

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
Литературныя и популярно-научныя
ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ЖУРНАЛУ „НИВА“

НА

1905 г.

ЗА

Май, Іюнь, Іюль и Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Маркса.

Изъ воспоминаний объ Антонѣ Чеховѣ.

Ив. Щеглова.

I.

Первое знакомство.

Одно изъ самыхъ дорогихъ украшений моего рабочего уголка—портретъ Антона Чехова съ дружеской надписью: «...на добрую и близкую память о старинѣ глубокой, когда мы познакомились...»

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы познакомились?

На фотографіи помѣчено «12 января 1902 г.»; а познакомились мы... въ декабрь 1887 года... Старина, нельзя сказать, чтобы особенно глубокая!..

Знакомство произошло въ большой залѣ ресторана гостиницы «Москва»—помню даже такую мелочь—именно за послѣднимъ столомъ у окна, что противъ входа въ залу,—тѣмъ болѣе помню, что за этимъ самымъ столомъ, по странной случайности, не разъ приходилось скромно пировать со свѣженоспеченнымъ офицерикомъ Касійскаго полка Семеномъ Надсономъ...

Заочно, по сочиненіямъ, мы знали другъ друга достаточно; но свидѣться пришлось здѣсь лишь впервые; да, кажется, и въ Петербургѣ Чеховъ былъ тогда впервые, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ литературной знаменитости.

Не заставъ А. П. въ номерѣ гостиницы, я оставилъ ему записку и сошелъ внизъ въ залъ ресторана... Въ ожиданіи, заказавъ стаканъ чаю, взялъ какую-то газету и уже было углубился въ

чтеніе, когда услышалъ вдругъ около себя мягкій, деликатный окликъ:

— По всей видимости... Щегловъ?

Я бросилъ газету...

Передо мной стоялъ стройный юноша, одѣтый очень невзыскательно, по-провинциальному, съ лицомъ открытымъ и приятнымъ, съ густой копной темныхъ волосъ, зачесанныхъ назадъ. Глаза его весело улыбались, лѣвой рукой онъ слегка пощипывалъ свою молодую бородку.

Я полюбопытствовалъ въ свою очередь:

— По всей видимости... Чеховъ?

И мы оба разсмѣялись.

Черезъ какія-нибудь четверть часа я уже бесѣдовалъ съ Чеховымъ по душѣ, точно съ человѣкомъ, съ которымъ познакомился десять лѣтъ тому назадъ; а затѣмъ, когда въ третьемъ часу пополудни мы съ нимъ прощались на подъѣздѣ палкинскаго ресторана (куда мы перекочевали изъ «Москвы»), онъ звалъ меня по-пріятельски «Жаномъ», а я его «Антуаномъ»...

И вотъ пробѣжало семнадцать слѣдующихъ лѣтъ, а эти нѣжныя дружескія отношенія, какъ завязались сразу, подъ веселую руку, такъ и остались душевно неприкосновенными на всю жизнь, не взирая на разность литературныхъ положеній и всяческія житейскія превратности.

Не умѣю вамъ сказать, какъ это такъ случилось: это секретъ Чехова, который онъ унесъ съ собой въ могилу—чудесный секретъ... брать человѣка въ душевный

плѣнь прямо съ мѣста! Не я одинъ, разумеется, испытывалъ на себѣ эту непосредственность Чеховскаго захвата; хотя долженъ оговориться, что далеко не на всѣхъ распространялъ онъ въ одинаковой мѣрѣ свое душевное гостеприимство...

На моихъ глазахъ, между прочимъ, произошло такое «мирное избиеніе» Алексѣя Николаевича Плещеева.

Ал. Ник., съ первыхъ же разсказовъ Чехова, появившихся на страницахъ «Новаго Времени», сдѣлавшись его горячимъ почитателемъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія въ Петербургѣ самого автора. Чеховъ же почему-то предпочелъ явиться первый разъ къ маститому поэту вмѣстѣ со мной, какъ съ давнимъ пріятелемъ А. Н., и всю дорогу отъ гостиницы до квартиры Плещеева сильно волновался... Чеховъ удивительно умѣлъ владѣть собой, и это чуть ли не единственный случай на моей памяти, когда я его видѣлъ такимъ; видимо, онъ чувствовалъ, что черезъ скромный плещеевскій порогъ ему отмыкалась заветная дверь въ большую литературу.

Алексѣй Николаевичъ, при входѣ Чехова, пришелъ въ нѣкоторое трогательное замѣшательство.

— Антонъ Павловичъ, наконецъ-то! Ну, вотъ, какъ я радъ...

Антонъ Павловичъ на радушный пріемъ полусконфуженно пробормоталъ какую-то любезность. Мы сѣли. Какъ теперь помню, Плещеевъ, для начала разговора, освѣдомился у Чехова объ одномъ общемъ московскомъ знакомомъ. Чеховъ чуть-чуть улыбнулся и обронилъ по адресу московскаго знакомаго добродушное, но чрезвычайно мѣткое замѣчаніе, заставившее насъ разсмѣяться... И вотъ, не прошло полчасца, какъ милѣйшій А. Н. былъ у Чехова въ полномъ «душевномъ плѣну» и волновался въ свою очередь, тогда какъ Чеховъ быстро вошелъ въ свое обычное философски-юмористическое настроеніе. Загляни кто-нибудь случайно тогда въ кабинетъ Плещеева, онъ навѣрное бы по-

думалъ, что бесѣдуютъ давніе близкіе друзья... и ни за что бы не повѣрилъ, что одинъ изъ трехъ былъ совсѣмъ новый пріѣзжій гость. Да, явился Чеховъ къ Плещееву почти чужимъ человѣкомъ, а вышелъ отъ него закадычнымъ пріятелемъ...

Въ этотъ первый пріѣздъ Чехова въ Петербургъ рѣдкій день, что не приходилось съ нимъ видѣться; то мы видѣлись у Плещеева или у А. С. Суворина, то сходились, заранѣе сговорившись, въ театрѣ, то засиживались за позднимъ ужиномъ у Палкина или въ «Маломъ Ярославцѣ»; нѣсколько разъ онъ былъ у меня, несмотря на то, что я тогда жилъ очень далеко отъ центра города—на Петербургской сторонѣ...

Экое, подумаешь, славное время было!.. Даже выраженіе «знакомство съ Чеховымъ» какъ-то сюда не укладывается—вѣрнѣе было бы назвать тогдашнее настроеніе—«опьяненіе Чеховымъ»... опьяненіе его талантомъ, умомъ, юморомъ, всей его личностью, чуждой фразы и мелочной условности. И я ли одинъ, спрашивается, испытывалъ это чувство? Въ большей или меньшей степени его переживали всѣ соприкасавшіеся тогда съ Чеховымъ... А кого только не перебивало тогда въ его узенькомъ полутемномъ номеркѣ гостиницы «Москва», начиная съ маститыхъ литературныхъ знаменитостей и кончая невѣдомыми юными дебютантами? Этотъ мѣсяцъ его пребыванія въ Петербургѣ вышелъ словно «медовый мѣсяцъ» Чеховской славы, и самъ Чеховъ замѣтно былъ захваченъ искреннимъ радушіемъ. Тѣшившимъ его со всѣхъ сторонъ. Отличавшіеся чисто хохлатой замкнутостью, Чеховъ въ этотъ разъ, противъ воли, сбивался со своего основного сдержаннаго тона и распахивался подчасъ съ юношеской беззаботностью.

Грѣшнымъ человѣкъ, я, въ свою очередь, принималъ эти случайныя товарищескія изліянія съ одинаковой безпечностью и, счастливый душевной бли-

зостью дорогого человека, меньше всего помышлять о нем, как о литературной знаменитости, чьи мысли и замечания просятся в записную книжку... До записывания ли было в этом чудесном угарѣ дружбы и молодости? И только теперь, когда угарѣ разбился, вижу, сколько драгоценных перлов безжалостно утеряно... Далека воспоминания, словно морская пучина—види и жди, пока съ возмущенного дна не выкинута на берегъ, вылетѣ со всякими посторонними соромъ, случайные рѣдкіе перлы!

А сколько погибло, между прочимъ, тонкихъ «Чеховскихъ сюжетовъ», импровизированныхъ подъ напыловомъ извѣстнаго настроенія и затѣмъ безслѣдно таившихъ въ разгарѣ дальнейшей бѣсѣды. Въ моей памяти уцѣлѣли двѣ-три изъ нихъ и то, какъ въ дымкѣ тумана, безъ яркихъ подробностей, оживлявшихъ тогда пересказъ...

Одинъ отрывокъ оставилъ во мнѣ особенно сильное, неизгладимое впечатлѣніе. А исторія была самая будничная... «Молодой мужъ, учитель гимназіи, собирается утромъ на службу. Жена, къ его удивленію, еще не вставала, и онъ, встревоженный, идетъ въ спальню и будитъ... Та нехотя поднимается, спускаетъ ноги съ кровати и вяло натягиваетъ чулокъ на лѣвую ногу... На его вопросъ, она сильно произноситъ одно слово: «Нездоровится». Слово самое обыкновенное, по голосу, какимъ оно произнесено, тусклый, безучастный взглядъ, какія-то темныя пятна, видныя на груди отъ спустившейся съ плеча рубашки—все это заставляетъ молодого педагога похолодѣть отъ предчувствія чего-то страшнаго, непобѣдимаго... Но ему, все-таки, надо идти на службу, онъ прощается и выходитъ на улицу... И вотъ здѣсь, на улицѣ, его вдругъ охватываетъ такая безысходная тоска, что онъ съ трудомъ волочитъ ноги, точно ноги стали не его, а чужія... Да, онъ знаетъ, что его жена скоро умретъ, и знаетъ, что доктора тутъ ничего не мо-

гутъ, и все-таки идетъ въ гимназію... И въ то же время думаетъ про себя: затѣмъ, вообще, всякій гимназіи и педагогіи, и столько тягостныхъ хлопотъ, все одно, въ концѣ концовъ, смерть?.. Онъ проходитъ мимо памятника Пушкину и опять думаетъ: «Для чего теперь Пушкинъ, и сладкіе стихи, и громкая слава, и все?..»

Разумѣется, это была случайная импровизация за стаканомъ добраго вина; но, въ устахъ Чехова, она произвела на меня тогда странное, памящее впечатлѣніе, точно рассказъ Пушкинскаго Монарха о загадочномъ появленіи «чернаго человека»... Помните, у Пушкина:

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ.
Мой черный человекъ. За мною всюду,
Какъ тѣнь, онъ гонится. Вотъ и теперь,
Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
Сидитъ...

Чехову этотъ «черный» гость тоже не давалъ покоя, и отъ времени до времени его призракъ появляется то въ образѣ «Чернаго монаха», то въ трогательномъ силуэтѣ бѣдной «Кати Климовой» («Тифъ»); его зловѣщее дыханіе уже чувствуется въ жалобныхъ стогахъ «Скрипки Ротшильда», въ «Скучной исторіи» и «Попрыгунь»...

Припоминаю еще небольшой пересказъ, начало какого-то романа, тоже, кажется, не попавшаго на бумагу. Здѣсь отпечатлѣлась та же меланхолическая свѣтотѣнь смерти и жизни... Это было описание похоронъ, происходившихъ на кладбищѣ, расположенномъ вблизи железнодорожной станціи... Кого хоронили, теперь не помню: остались въ памяти лишь подробности обстановки... «что въ воздухѣ чуялась весна, что на соседней съ вырытой могилой рѣпкѣ безтолково чиркали воробы, и печальное погребальное пѣніе, относимое вѣтромъ въ сторону, звучало почему-то совсѣмъ не печально... Стоявшая впереди всѣхъ красивая полная дама поминутно сюркалась въ платокъ; но по всему чувствовалось,

что печаль ея не искренна, и что она больше вслушивается въ шумъ жизни, доносившійся со станціи, чѣмъ въ слова священника и возгласы пѣвчихъ... Часть вагоновъ перевезли на другой путь, и хриплые окрики кондукторовъ перемѣшались съ глухимъ цоканьемъ буферовъ и сердитымъ фырканьемъ паровоза... Изъ-за низенькой ограды кладбища видна была часть станціонной платформы; и видно было, какъ по платформѣ прогуливался тоненькій офицеръ въ военной тужуркѣ съ хлыстикомъ въ рукѣ; какая-то беременная баба въ желтомъ головномъ платкѣ тащила корзину съ бѣльемъ, а на бабу лаяла блѣлая лохматая собачка, должно-быть собачка начальника станціи».

Дальше не помню...

Зато отчетливо помню остоу другого рассказа, хотя заглавіе его пропустилъ мимо ушей, кажется онъ долженъ былъ называться: «Въ грозу»...

«Проселочной дорогой, по ржаному полю, идутъ трое: захудалый мѣщанинъ, портной по ремеслу, и два монаха. Одинъ монахъ толстый, пѣшивый, болтливый, нѣчто въ родѣ Пушкинскаго «Варлаама»; другой длинный, молчаливый, похожій обликомъ на изображение угрюмыхъ монаховъ на воротахъ лавры... Всѣ трое пошли случайно, подгоняемые надвигающейся позади нихъ большой грозой тучей. Однакоже зловѣщая туча догонять ихъ, кругомъ темнѣетъ, какъ ночью, и совсѣмъ близко отъ нихъ разражается оглушительный ударъ грома. На счастье, около дороги попадается старый развѣсистый дубъ, и они въ смятеніи спускаются подъ его прикрытіе... Между тѣмъ, гроза, сопровождаемая вихремъ и ливнемъ, обращается въ настоящее свѣтлопространство. Больше всѣхъ боится грозы толстый монахъ и, подъ внушеніемъ своего спутника, — мрачнаго монаха, — сбивчиво прорикающего что-то изъ Апокалипсиса, начинать вдругъ каяться въ грѣхахъ, при чемъ вдается въ совершенно лишнія

подробности любострастнаго характера. Мѣщанинъ плачетъ и, послѣ одного особенно сильнаго удара грома, тоже выбалтываетъ всякую дрянь... Но вотъ гроза проходитъ, горизонтъ проясняется, и виднѣющийся вдали, на горѣ, куполъ городского собора загорается солнцемъ. Монахи и портной отряхиваются, осматриваются, и всѣмъ тремъ дѣлается стыдно. Толстый монахъ пытается свалить происшедшее съ нимъ на бѣсовское навожденіе, но неудачно... Молча доходятъ они до города и молча расходятся затѣмъ въ разныя стороны».

Какъ жаль, что этотъ рассказъ не былъ написанъ Чеховымъ!.. Если вспомнить удивительное описание грозы въ Чеховской «Стенѣ», можно навѣрное сказать, что получился бы одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ жизненныхъ, классическихъ сжатыхъ рассказовъ, какіе умѣлъ писать только Чеховъ, — художественный перлъ, въ родѣ его «Вѣдьмы» и «Свирѣли»... А юморъ Чехова — смѣлый, сочный, жизне-радостный, какъ бы ярко онъ вспыхнулъ здѣсь, хотя бы въ той же покаянной исповѣди блуднаго монаха!..

Въ этотъ первый писательскій періодъ, источникъ Чеховскаго юмора былъ особенно сильной струей, и его блестящие брызги сверкали въ изобилии всюду — въ рассказахъ, письмахъ, въ устныхъ бесѣдахъ и случайныхъ замѣчаніяхъ.

Писать Чеховъ тогда еще не писалъ, и одноактная шутка «Сила-гипнотизма», о которой онъ несколько упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, такъ и осталась неиспользованной... Это была чуть ли не единственная изъ тогдашнихъ Чеховскихъ импровизаций въ драматической формѣ, изъ коей, впрочемъ, въ моей памяти сохранилась лишь часть «сценарія»...

Какая-то черноглазая вдовушка искружила головы двумъ своимъ поклонникамъ: толстому маіору съ превосходными маіорскими усами и юному, совершенно безумому, аптекарскому помощнику. Оба соперника, — и военный, и штатскій, —

отъ нея безъ ума и готовы на всякія глупости ради ея жгучихъ очей, обладающихъ, по ихъ увѣренію, какой-то особенной демонической силой. Пронеходить забывшая любовная сцена между соблазнительной вдовушкой и толстымъ майоромъ, который, ныхти, опускается передъ вдовушкой на колѣни, предлагая ей руку и сердце и клянется, что изъ любви къ ней пойдетъ на самыя ужасныя жертвы. Жестокая вдовушка объявляетъ влюбленному майору, что она ничего не имѣетъ противъ его предложенія и что единственное препятствіе къ брачному союзу... щетинистые майорскіе усы. И, желая испытать демоническую силу своихъ очей, вдовушка гипнотизируетъ майора и гипнотизируетъ настолько удачно, что майоръ молча поворачивается къ дверямъ и направляется непосредственно изъ гостиной въ первую попавшуюся цырюльню. Затѣмъ пронеходитъ какая-то воевильная путаница, подробности которой улетучились изъ моей головы, но въ результатѣ которой получается полная побѣда беззубаго фармацевта. (Кажется, предприимчивый женихъ, пользуясь отсутствіемъ соперника, подсыпаетъ вдовушкѣ въ чашку кофе любовный порошокъ собственнаго изобрѣтенія). И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда вдовушка падаетъ въ обморокъ аптекаря, въ дверяхъ появляется загипнотизированный майоръ и, при томъ, въ самомъ смѣшномъ и глупомъ положеніи: онъ только-что сбросилъ свои великолѣпные усы... Разумѣется, при видѣ коварства вдовушки, «сила гипнотизма» моментально кончается, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончается и воевиль.

Помню, надъ послѣдней сценой, т.-е. появленіемъ майора безъ усовъ, мы оба очень смѣялись. Повидимому, «Сила гипнотизма» суждено было сдѣлаться уморительнѣйшимъ и популярнѣйшимъ изъ русскихъ фарсовъ, и я тогда же взялъ съ Чехова слово, что онъ приметъ за эту вещь, не откладывая въ долгій ящикъ.

— Что же, Антуанъ, «Сила гипнотиз-

ма»?—запрашиваю его вскорѣ въ одномъ изъ писемъ...

— «Силу гипнотизма» напишу лѣтомъ—теперь не хочется! — безпечно откликается Антуанъ изъ своего московскаго затѣшья.

Но прошло лѣто, наступила зима, затѣмъ пробѣжало много лѣтъ, и нѣкоторые меланхолическіе мотивы заслонили безпардонно веселую шутку молодости.

Бесѣда съ Чеховымъ была для меня величайшимъ наслажденіемъ. Вопросъ искусства и литературы, мимоходныя мнѣнія о разныхъ лицахъ, самыя заурядныя будничныя мелочи, все получало въ его устахъ свѣжую оригинальную окраску, ту неуловимую прелесть жизни и юмора, которая почти непередаваема на бумагѣ. Наконецъ, много говорено было съ глазу на глазъ такого задумчиво интимнаго, товарищески откровеннаго, для чего пока не пришло еще ерока.

Извѣстное замѣчаніе Чехова, «что у русскаго человѣка настоящая бесѣда, по душѣ, всегда приходится послѣ полуночи»—имѣло самое широкое примѣненіе въ нашихъ тогдашнихъ бесѣдахъ, и такъ какъ обстановка ихъ являлась, по обыкновенію, ресторана, то нѣтъ ничего удивительнаго, что, по окончаніи собесѣдованія, каждый изъ насъ думалъ о постели, а не о посмертной славѣ и мемуарахъ.

Хотя П. А. Сергѣенко въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ находитъ въ немъ нѣкоторыя черты «Гётевской организаціи», но, конечно, Антонъ Чеховъ по своей холцацко-казацкой натурѣ былъ очень далекъ отъ педантичности Вольфганга Гёте; а я отнюдь не обладаю грамофонной способностью Юганна Эккермана... Въ моихъ черновыхъ бумагахъ за 1887 г. отыскалось всего двѣ строки на этотъ счетъ: «8—15 декабря.—Познакомился съ Антономъ Чеховымъ. Импровизація Чехова. «Сила гипнотизма» Чехова, и т. д.»

«Сила гипнотизма Чехова»—не правда ли, какъ символично звучитъ сейчасъ эта фраза въ примѣненіи къ притягательной

личности Антона Чехова? «Сила» эта пережила самого Чехова и распространяется до сихъ поръ свое мистическое вліяніе въ письмахъ Чехова и воспоминаніяхъ о немъ—то какъ посмертный упрекъ, то какъ чуткій совѣтъ, тономъ острой шутки или сердечнаго замѣчанія...

Спросите объ этомъ всѣхъ, кто знаетъ болѣе или менѣе близко Чехова.

Навѣрное, все подтвердитъ то же самое.

II.

Москва и Петербургъ.

Осенью слѣдующаго года мнѣ случилось быть въ Москвѣ, и, разумѣется, первый визитъ мой былъ на Кудринскую Садовую, гдѣ тогда проживалъ А. П. Чеховъ со своими родителями, сестрой и тремя братьями (Иваномъ, Михаиломъ и Николаемъ). Въ родной семьѣ рѣдко чувствуешь себя такъ душевно легко, тепло и уютно, какъ чувствовать я себя въ радужной семьѣ Чехова... въ «Милой Чехіи», по выраженію А. Н. Плещеева.

Надо сказать, что очутившись въ Москвѣ довольно неожиданно, вызванный телеграммой Ф. А. Корша, ставившаго въ своемъ театрѣ мою трехъ-актную комедію «Дачный мужъ»... Благодарно вспоминая, что въ моемъ воспитательномъ авторскомъ состояніи «Милая Чехія» сыграла благотворительную роль согрѣвающего компресса. Да это ли одно? Дорогой Ант. Павл. принималъ въ моемъ «Дачномъ мужѣ» самое живое товарищеское участіе: перечитывалъ нѣсущую—въ рукописи, присутствовалъ съ семьей въ ложѣ на первомъ представленіи, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько крайнихъ цѣнныхъ указаній... Между прочимъ, онъ совѣтовалъ совсѣмъ откинуть третій актъ, напичканный, по его выраженію, «дешевой моралью», и заключить нѣсущую стономъ дачнаго мужа, какъ доминирующимъ аккордомъ.

Какъ сейчасъ помню поздній осенній вечеръ на Кудринской-Садовой, въ знакомомъ деревянномъ флигелѣ. Я сижу

на диванѣ въ кабинетѣ Чехова, а неподалеку отъ меня, согнувшись надъ письменнымъ столомъ, сидитъ самъ Чеховъ и при свѣтѣ лампы что-то дописываетъ... Сверху изъ второго этажа доносятся пѣжные, меланхолическіе звуки Шопеновскаго покрюрна. Это братъ Антона—Николай Павловичъ, художникъ, фантазируетъ на рояли. (Чеховъ очень любилъ музыку и особенно любилъ обдумывать свои работы подъ ласкающую музыкальную мелодію).

Донисавъ страничку, Чеховъ кладетъ перо и оборачивается ко мнѣ:

— Это утро, Жанъ, я думаю о васъ... все думать, отчего вы такъ мало сравнительно пишете! И, знаете, отчего это?

Онъ всталъ и, подойдя ко мнѣ, тономъ трогательной отеческой журьбы продолжать:

— Все оттого, что вы до чертиковъ субъективны! Такъ, Жанъ, нельзя... Нельзя выворачивать только пережитое—атакъ, вѣдь, никакихъ нервовъ не хватаетъ!.. Писателю надо, непременно, въ себѣ выработать зоркаго, неутомимаго наблюдателя... Насколько, понимаете, выработать, чтобы это вошло прямо въ привычку... сдѣлалось какъ бы второй натурой!..

Я замѣтилъ Чехову, что въ тридцать лѣтъ не такъ-то легко себя передѣлать, и что онъ, какъ врачъ по профессіи, находится въ этомъ отношеніи въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

— Ну, этого не скажете, — проговорилъ Чеховъ, задумчиво пощипывая свою бородку. — Мнѣ медицина, напротивъ, скорѣй мѣшаетъ предаваться вольному искусству... мѣшаетъ, понимаете, въ смыслѣ непосредственности впечатлѣній! Какъ бы это вамъ объяснить потолковѣе?..

Чеховъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ—обычная его повадка, когда онъ хотѣлъ что-нибудь разсказать или доказать—потомъ остановился у окна и заглянулъ на освѣщенный лунной дворишкою.

— Вот, например, простой человек смотреть на дуну и уплываешь, как перед чьим-то страшно таинственным и непостижимым. Ну, а астроном смотреть на нее совсем иными глазами... у него уже нет и не может быть этих дорогих иллюзий! И у меня, как медика, их тоже мало... и, конечно, жаль—это как-то сунуть жизнь...

Мы помолчали. Мысль Чехова неожиданно перескакивает в другую сторону, и, отвернувшись от окна, он смотрит на меня смущенными глазами:

— Знаете, что, Жань: напишемте-ка вместе развеселую комедию?.. Право же, это идея!

Откровенно сказать, идея эта пришлась мне очень по сердцу, и осуществление ее было, по видимому, в пределах возможности. Но препятствие заключалось в том, что Чехов был коренной московский обыватель, а я жил постоянно в Петербурге и бывал в Москве изредка, наездами. Так идея эта и не осуществилась, хотя Чехов не однажды возвращался к ней во время наших свиданий. Но, как раз, когда он стал соблазнять меня, «какую уймешь денежку мы могли бы заработать таким Гонкуровским способом», нас позвали наверх ужинать.

Там уже семья Чехова была в полном сборе с отцом Чехова, Павлом Егоровичем, во главе; был еще кое-кто из молодых, товарищей Ивана и Михаила Чеховых... Многим московским питомцам «Эрмитажа» и «Тьетова», впрочем, покажется ересью, если я отыщу здесь, что нигде и никогда так вкусно не едали и не пивали, как за столом у Чеховых, по крайней мере, так весело и аппетитно. Достаточно я прожил на свете — по, повторяю, в редком доме встречал такое трогательное радушие, такую счастливую атмосферу душевности и непринужденности!.. Мать Чехова, дорогая Евгения Яковлевна, и его молоденькая сестра, Мария Павловна,

были решительно добрыми гениями Антона Павловича, и нужно заботливому уходу, которым он был неизменно окружен в свою недолгую жизнь, наверное, позабавлял бы не один современный муж...

После ужина, Николай Павлович опять играл на рояле; потому что-то был хором, чему-то оглушительно громко смеялись — и, в заключение, молодежь, возбужденная чудною, лунною ночью, потащила меня, как призрака гостя, шататься по стогнам первопрестольной. Антона Чехова тоже очень соблазняла прогулка, но у него на плечах была какая-то срочная работа... и он остался. Уходя, я видел, как он ушел за письменный стол, как-то по-стариковски сторбившись, и снова взялся за перо.

Да, не мало тяжести лежало тогда на плечах бедного Антона! Можно сказать, весь дом Чеховых в то время держался на одном Антоне. И нужду же пережил он в начале своей писательской деятельности — Боже упаси! Мне пришлось случайно пробжывать одно из писем Чехова к Д. В. Григоровичу, где он описывает свои первые писательские мытарства — даже жутко становится, когда вспомнишь, на чью долю выпало столько горьких мук!..

Тем более чести Петербургу, что он первый «открыл» Чехова и поддерживал его морально и материально. Москва (т. е. в сущности московская интеллигенция) очень много шумела на его похороны и много перепортила могильных цветников в Новодевичьем монастыре; но чествовать писателя, достаточно уже прославленного в столицу и за границы, не такая, признаться, громкая заслуга. Честь открытия все же остается за Петербургом. Москвит, таким образом, принадлежит честь «зарытия таланта» — траурная церемония, нередко практикуемая московскими узкопартийными кружками даже при жизни писателя!..

Кстати сказать, меня немало озадачивала одна черта у Чехова: отчего он, коренной житель Москвы, так мало использовал эту коренную Москву в своих произведениях — эту удивительную Москву, так мало мнящуюся, когда все на свете мнится, все еще яркую, когда все тускнеет и подкрашивается под один однообразный срый цвет, кипящую юмором и анекдотами чуть не на каждом шагу в своих невѣдомых переулках и тупиках, в торговых рядах и трактирах!..

Теперь, взглядывая вдумчиве в обстоятельство московской жизни Чехова, вижу ясно, что, именно живя в Москве, ему меньше всего времени было думать о Москве: приходилось исключительно думать о хлебе насущном и писать, писать, писать... Самое главное место занимал в это «оседлый» московский период в его быту — письменный стол, тогда как в Петербурге, куда он наезжал изредка и где временно отдыхал от всяких работ и забот, главную роль играл пиришественный стол — понимая, разумеется, это слово в широком символическом смысле. Оттого, в большинстве своих писем, он всегда с такой теплотой вспоминает свои петербургские дни, своих петербургских друзей и разные петербургские мелочи.

Но вопрос о том, какой из городов он больше любил — Петербург или Москву, — по отношению к Чехову, до некоторой степени праздный вопрос. Чехов больших городов «вообще» не любил и мог бы ответить на такой вопрос стихом Бодлера:

— «Я люблю... облака — там, в небесах, эти чудные облака!»

Больше всего Чехов любил природу и лучше всего себя чувствовал на лоне природы. Наиболее жизнерадостный, наиболее тонкий и поэтический из его писем вылился из-под его пера именно с этого вечно юного лона! Все же Пе-

тербургу первое время принадлежали его лучшие симпатии и держались крепко добрый десяток лет, вплоть до злополучного первого представления на Александринской сцене его «Чайки». Этот роковой день непредвиденно рассорил Чехова с Петербургом, и с той поры он дблается его редким гостем или появляется на самое короткое время и с сохранением строжайшего анонимата.

В общем, этот первый период Чеховской литературной известности — 1886 по 1896 год — можно считать наиболее счастливой половиной его личной жизни, при чем самая безоблачная полоса захватывает первые три года (получение Пушкинской премии, шумный успех «Иванова», сближение с А. С. Сувориным, А. Н. Плещеевым, Д. В. Григоровичем, П. Н. Чайковским, Всеволодом Гаршиным, Владимиром Короленко и друг.). Зато и промелькнули эти первые годы быстро, неуловимо, точно сладкий майский сон, промелькнули в безоглядной сумасбродной суете, оставив в воспоминании какие-то светлые праздничные клочки... В Москве мы по большей части засиживались с Чеховым в дешевой ресторане Вельде (рядом с Малым театром), изредка ужинали у Тьетова, и еще реже в «Большой Московской»... Вспоминается мне, между прочим, одно полночное пиришество в «Большой Московской» гостинице в обществе А. П. Чехова и А. С. Суворина. Как ни был последний в то время удручен своей недавней семейной потерей, Чехов сумел-таки его расшевелить и зажечь. Надо и то сказать — тема, тронутая Чеховым (о рутины и тенденциозности, заждающих современную русскую литературу и искусство), пришлась особенно по душе Суворину, и он распахнулся, что называется, во всю, решительно увлекая своей художественной чуткостью, заразительной искренности и чисто юношеской запальчивостью... Тема оказалась, однако, че-

режутур обширной, и было не удивительно, что, когда мы покинули «Большую Московскую» гостиницу, на улицах свѣтало и въ московскихъ церквахъ звонили къ ранней обѣдѣ. А между тѣмъ, Суворинъ все еще продолжаетъ «горѣть» и махать руками, и что-то доказывать... до самого подъѣзда «Славянского Базара», куда мы его довели. Со стороны нашу компанію смѣло можно было принять за московскихъ студентоу, слушающихъ профессора-шестидесятника, и меньше всего, конечно, подумать... объ издателѣ «Новаго Времени» и его сотрудникахъ!

Да ужъ не по снѣ ли, въ самомъ дѣлѣ, это все было?..

О тогдашнихъ «петербургскихъ свиданіяхъ» нечего и говорить: теперь, издали, они мнѣ представляются какой-то непрерывной вереницей радостныхъ тостоу въ славу русской литературы въ лицѣ Антона Павловича, бывшего повсюду почетнѣйшимъ застольнымъ гостемъ. Числа и мѣсяцы въ этой суматохѣ неловко спутываются... То встрѣчаешь съ Антономъ Чеховымъ Новый годъ у Суворина, то справляешь вмѣстѣ «капустникъ» у артиста Свободина, то присуствуешь на импровизированной въ честь Чехова литературно-музыкальной вечеринкѣ у старика Плещеева... Сегодня устраивается въ «Маломъ Ярославцѣ» торжественная «кулебяка» въ день ангела Чехова, а суета для два самъ Чеховъ тащить меня на Васильевскій островъ «на блины» къ какому-то совершенно незнакомому мнѣ хлѣбосольному помѣщику — само собой разумѣется, ярому поклоннику А. П.

Припоминаются неловко и собственныя именины, справлявшіяся мной въ оные дни весело и шумно, и на нихъ въ числѣ гостей — понынѣ здравствующіе литературныхъ извѣстностей — навѣдѣе дорогія сердцу лица: А. Н. Плещеевъ, А. П. Чеховъ, П. М. Свободинъ...

Пародируя Шиллеровскаго «Донъ-Карлоса», съ полнымъ правомъ могу воскликнуть:

«...О, эта жизнь была
Нелѣпа, но божественно прекрасна!..
Прошли всѣ эти сны!..»

III.

Чеховъ и театр.

«Пишу докторскую диссертацию на тему: о способахъ прививки Ивану Щеголову ненависти къ театру»... — острить въ одномъ изъ своихъ писемъ Антонъ Чеховъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ ко мнѣ, онъ снова дружески журитъ меня за мою слабость къ драматургіи: «Театръ — это змѣя, сосущая вашу кровь. Пока у васъ беллетристика не побѣдитъ драматурга, до тѣхъ поръ я буду ѣсть васъ и предавать ваши пьесы проклятію. Такъ и знайте».

Въ другомъ письмѣ опять то же самое: «Вы хотите спорить со мной о театрѣ? Сдѣлайте ваше одолженіе, но вамъ не переспорить моей нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ. Современный театръ — это мѣръ безтолочи, тупости и пустозвонства!»

Эта завѣдомая нелюбовь къ театру, какъ къ чему-то искусственному и низшему по существу, проходитъ доминирующей нотой въ большинство писемъ Чехова, въ особенности въ началѣ его литературной дѣятельности.

Драматургомъ же сдѣлался онъ, можно сказать, нечаянно, понавъ однажды въ театрѣ Корша на представленіе заграничной одноактной пьески «Побѣдителей не судить» (сюжетъ пьески вертится на укромнѣи грубаго, но добродушнаго моряка великобританской красавицы). «Побѣдителей не судить» — передѣлка съ французскаго и довольно-таки топорная, пизанной салонной вещицы Пьера Бертонна «Les Jurons de Cadillac», въ которой восхитили въ шестидесятыхъ годахъ въ Михайловскомъ театрѣ петербургскую публику г-жа Нанталъ-Арно и г. Дьёдонне. У Корша отличался г-жа Рыбчинская и г. Соловцовъ, находившіеся, кстати сказать, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ

Чеховымъ. Соловцовъ своей дюжей фигурой, зычнымъ голосомъ и рѣзкой манерой, подходившій какъ нельзя болѣе къ заглавной роли, настолько понравился Чехову, что у него, какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ, явилась мысль написать для него «роль»... нѣчто въ родѣ русскаго медвѣдя измѣнивъ французскаго.

Такимъ образомъ появился на свѣтъ водевилъ «Медвѣдь» — чеховскій театралъный первенецъ, жизненностью и оригинальностью оставившій далеко за флагомъ своихъ шаблонныхъ водевилныхъ сверстниковъ.

Сценическій успѣхъ «Медвѣдя» не помѣшалъ, однако, Чехову критически отнестись къ самому испозненію. «Соловцовъ игралъ феноменально, — пишетъ онъ мнѣ, цитируя любимое словечко режиссера театра Корша: — Рыбчинская была причина и мила. Въ театрѣ стоялъ непрерывный хохотъ; монологи обрывались аплодисментами. Въ 1-е и 2-е представленіе вызывали и актеровъ, и автора. Всѣ газетчики, кромѣ Васильева, расхвалили... Но, душа моя, играютъ Соловцовъ и Рыбчинская не артистически, безъ оттѣнковъ, дуютъ въ одну ноту, трусятъ и проч. Игра топорная». И заключаетъ съ обычнымъ добродушнымъ юморомъ: «Послѣ перваго представленія случилось несчастье: кофейникъ убилъ моего медвѣдя. Рыбчинская пила кофе, кофейникъ лопнулъ отъ нара и обварилъ ей лицо. Второй разъ играла Глама, очень прилично. Теперь Глама уѣхала въ Питеръ и, такимъ образомъ, мой пушной звѣрь поневолѣ издохъ, не проживъ и трехъ дней».

Почти одновременно явился на свѣтъ непредвидѣнный «драматическій выкидышъ» (слово Чехова) уже въ видѣ большой четырехактной комедіи... Чеховъ не даромъ называлъ своего Иванова «выкидышемъ»: если «Медвѣдь» написанъ былъ для Соловцова, что называется, въ одинъ присѣсть, то «Ивановъ» былъ набросанъ чуть ли не на парѣ съ Коршемъ въ ка-

кихъ-нибудь двѣ недѣли, тотъ самый «Ивановъ», который впоследствии произвелъ такой фуроръ на Александринской сценѣ. Въ этотъ же «сезонъ», по его собственному свидѣтельству (письмо А. Н. Плещееву), онъ написалъ «Степь», «Огни» и массу мелкихъ разсказовъ... Это былъ ослѣпительный взрывъ чеховскаго таланта, окрыленнаго шумнымъ литературнымъ успѣхомъ!.. Добавьте къ этому, что въ промежутокъ, между дѣломъ, онъ еще выпустилъ преуморительнѣйшій одноактный водевилъ «Предложенье», сдѣлавшійся сразу любимѣйшимъ дѣтищемъ провинціальнаго сценъ.

Вообще, надо сказать, къ неселому остроумному водевилю Чеховъ питалъ явную слабость и въ театрѣ особенно любилъ смотреть веселыя пьесы. И мнѣ, и другимъ онъ не разъ повторялъ, «что написать хорошій водевилъ — труднѣйшая штука», подразумѣвая подъ словомъ «хорошій» искреннюю веселуху человѣческаго смѣха... «Plus j'y réfléchis plus je trouve, que toute la philosophie se résume en bonne humeur» *), обмозговалъ какъ-то Эрнестъ Ренанъ, и въ примѣненіи къ воззрѣнію Антона Чехова на добродушную веселую шутку слова великаго ученаго можно было перевести по-русски грибоудовскимъ стихомъ: «Да, водевилъ есть вещь, а прочее все гиль»...

Когда нѣсколько лѣтъ спустя, въ одно изъ нашихъ московскихъ свиданій, я попенялъ Чехову, отчего онъ не написалъ обѣщаннаго водевила («Сила гипнотизма»), Чеховъ задумчиво, какъ бы про себя, проговорилъ:

— Ничего не подѣлаешь... пужаго настроенія не было! Для водевила пужно, понимаешь, совсѣмъ особое расположеніе духа... жизнерадостное, какъ у сибирскаго прапорщика; а гдѣ его возьмешь, къ лѣшему, въ наше паскудное

*) «Чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что сущность философіи заключается въ хорошемъ расположеніи духа».

время?.. Да, Жанъ, написать искренній водевилъ далеко не послѣднее дѣло!

«Водевилъ» является, нѣкоторымъ образомъ, въ роли мирового посредника между Чеховымъ и театромъ. Что же до нашихъ личныхъ дружескихъ отношеній съ Чеховымъ, то тутъ онъ сыгралъ негласную роль свата, и самъ Чеховъ признавался, что первую симпатію ко мнѣ и желаніе познакомиться возымѣлъ, посмотрѣвъ въ театрѣ Корша мою комедію «Въ горахъ Кавказа», которую, впрочемъ, онъ отнюдь не считалъ комедіей, видя въ ней лишь «счастливый образчикъ русскаго оригинальнаго водевиля» (что для меня тѣмъ болѣе лестно).

Кстати сказать, наше послѣднее «петербургское» свиданіе, по странному совпадению симпатій, вышло какъ разъ «водевильное», т. е. произошло въ ложѣ во время представленія моего водевиля «Автора въ театрѣ нѣтъ». Все время Чеховъ очень смѣялся, и, по паденіи занавѣса, подъ гулъ послѣднихъ аплодисментовъ, дружески-наставительно мнѣ замѣтилъ:

— Вотъ, Жанъ, ванъ настоящій жанръ... Не бросайте, милый, водевили... повѣрьте, это благороднѣйшій родъ, и который не всякому дается!

Возвращаясь, однако, къ «Иванову».

Слѣшно написанный, еще болѣе слѣшно разыгранный артистами театра Корша и возбудившій разногласію въ московской прессѣ, «Ивановъ» въ концѣ разстрѣлялъ нервы Чехову, когда авторъ, въ виду постановки пьесы на петербургской казенной сценѣ, принялся за передѣлку и взглянулъ на нее строгимъ окомъ художника... Впрочемъ, каждому оригинальному драматургу извѣстно, что гораздо легче написать новую пьесу, чѣмъ передѣлать старую, а Чехову пришлось, вдобавокъ, переработать все кореннымъ образомъ... Разница между московскимъ и петербургскимъ «Ивановымъ» получилась разительная, доходившая до послѣдней корректурной крайности, если вспомнить, что у

Корша «Ивановъ» умираетъ отъ разрыва сердца, а на Александринской сценѣ застрѣливался изъ револьвера... «Я замучился, и никакой гонимый не можетъ испустить того каторжнаго напряженія, какое я чувствовалъ послѣднія недѣли, — повѣряетъ Чеховъ поэту Плещееву по окончаніи передѣлки. — Раньше своей пьесы я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной прозіей: написать, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего плохо она сработана. Послѣдній актъ поразительно плохъ. Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варианты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савинной), измѣнилъ 4-й актъ до неузнаваемости, отшлѣфовалъ самого Иванова — и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Киня: «Палками, Иванова, палками!»...» *)

Едва ли авторъ могъ подозрѣвать, что въ Петербургѣ «Иванова» встрѣтятъ оваціями!..

На его авторское счастье, пьеса шла въ бенефисъ режиссера Александринскаго театра Ф. А. Федорова-Юрковского (бенефисъ за 25-лѣтнюю службу), въ виду чего роли были распределены между лучшими силами труппы, безъ различія ранговъ и самолюбій. Ансамбль вышелъ чудесный, и успѣхъ получился огромный.

Публика принимала пьесу чутко и шумно съ перваго акта, а по окончаніи третьяго, послѣ заключительной драматической сцены между Ивановымъ и болоньей «Саррой», съ увлеченіемъ разыгранной В. Н. Давыдовымъ и П. Я. Стрелетовой, устроила автору, совместно съ юбиляромъ-режиссеромъ, восторженную овацію. «Ивановъ», несмотря на многія ценническія неясности, рѣшительно захватилъ своей свѣжестью и оригинальностью, и на другой день всѣ газеты

*) «Петербургскій дневникъ театра» за 1904 г.

дружно разсыпались въ похвалахъ автору пьесы и ея исполненію. Исполненіе, дѣйствительно, должно было польстить Чехову; даже такая незначительная эпизодическая роль, какъ роль помѣшаннаго на картахъ акцизнаго «Косыхъ», въ лицѣ покойнаго Арди выпала въ яркій комическій типъ. Превосходны были Варламовъ и Жулева (супруги Лебедевы) и прямо великолѣпныя Свободныя въ роли опустившагося язвительнаго графа Шабельскаго.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ четырехъ-актнаго «Иванова», шель старинный классическій фарсъ «Адвокатъ Пателенъ» (въ 3-хъ дѣйствіяхъ), такъ что спектакль, состоявшій въ общемъ изъ семи актовъ, затянулся до втораго часа ночи и не далъ мнѣ возможности поздравить Чехова послѣ спектакля.

Я увидѣлся съ нимъ на другой день, на веселомъ банкѣтѣ, устроенномъ въ честь его помѣщикомъ С., восторженнѣйшимъ поклонникомъ Чехова. Видѣ Чеховъ имѣлъ сіяющій, жизнерадостный, хотя нѣсколько озадаченный размыслами «ивановскаго успѣха». На обѣдъ было нѣсколько литераторовъ, артистъ Свободныя и дальній родственникъ послѣдняго, приравнявъ Василеостровской части, оказавшейся не только горячимъ почитателемъ А. П., но и вообще тонкимъ знатокомъ литературы. Обѣдъ вышелъ на славу, при чемъ славилъ Чехова, что называется, во всю ивановскую, а самъ хозяинъ, поднимая бокалъ шампанскаго въ честь Чехова, въ заключеніе тоста, торжественно приравнялъ чеховскаго «Иванова» къ грибоваго «Горе отъ ума».

Я взглянулъ искоса на Чехова: онъ густо покраснѣлъ, какъ-то сконфуженно осунулся на своемъ мѣстѣ, и въ глазахъ его мелькнули чуть-чуть замѣтные юмористическіе огоньки — дозорные писательскіе огоньки, свидѣтельствовавшіе о непрерывной критикѣ окружающаго... «И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышалъ я!» — не безъ ироніи писалъ онъ мнѣ потомъ изъ Москвы.

Но русскіе поклонники родныхъ талантовъ неумолимы.

Несмотря на то, что Чеховъ, переутраченный столичной суетой, спѣшилъ въ Москву, восторженный помѣщикъ, вопреки всякимъ традиціямъ, накануне отъѣзда А. П., собралъ всѣхъ снова «на гуся».

Снова шампанское, снова шумные «шекспировскіе тосты»...

Все это могло вскружить голову хотъ кому, только не Чехову. Возвращаясь, выйдя съ Чеховымъ послѣ «прощальнаго гуся» на извозчикѣ, я былъ озадаченъ странной задумчивостью, затуманившей его лицо, и на мой попрекъ онъ какъ-то машинально, не глядя на меня, проговорилъ:

— Все это очень хорошо и трогательно, а только я все думаю вотъ о чемъ...

— Есть еще о чемъ думать послѣ такихъ овацій! — невольно вырвалось у меня.

Чеховъ нахмурился, что я его прерывалъ, и продолжалъ:

— Я все думаю о томъ... что-то будетъ черезъ семь лѣтъ? — И съ тѣмъ же хмурымъ видомъ настойчиво повторилъ: — Что-то будетъ черезъ семь лѣтъ? . . .

Какъ разъ черезъ семь лѣтъ было въ Петербургѣ... первое представленіе Чеховской «Чайки».

Считать ли тѣ слова пророчествомъ или предчувствіемъ — Богъ вѣстъ! Но почему-то вспомнились они только сейчасъ, когда заворопились воспоминанія о злополучномъ спектаклѣ; а тогда я пропустилъ ихъ мимо, да и самъ Чеховъ, поவிдимому, тоже позабылъ.

По крайней мѣрѣ, незадолго до представленія «Чайки», я получалъ отъ него изъ Мелихова сообщеніе объ этомъ въ самомъ жизнерадостномъ тогѣ: «Около 6 — каждая слава повлечетъ меня въ Сѣверную Пальмиру на репетицію моей «Чайки». Предполагается, что эта пьеса пойдетъ 17-го октября въ бенефисъ Левкѣевой, при чемъ роль героини семнадцати лѣтъ, тоненькой барышни, будетъ играть сама бенефициантка.» (Левкѣева,

нынѣ покойная, была очень толста, съ усиками на губахъ и отличалась послѣднее время въ роляхъ комическихъ старухъ).

Но уже наканунѣ спектакля я видѣлъ Чехова далеко не въ розовомъ настроеніи. Онъ только-что вернулся съ репетиціи «Чайки» и имѣлъ видъ совсѣмъ нездоровый, пилъ усиленно содовую воду и въ антрактахъ рѣзко критиковалъ исполнителей (кроме В. Ф. Комиссаржевской, которая, по его замѣчанію, одна вела роль въ надлежащемъ тонѣ).

Что же такое случилось?

А вотъ возьмете на удачу любую изъ петербургскихъ газетъ, вышедшихъ на другой день юбилейнаго бенефиса Левѣевой...

«Вчерашнее юбилейное торжество омрачено было безпримѣрнымъ скандаломъ. Такого головокружительнаго паденія пьесы мы не запомнимъ»... — читаю въ одной газетѣ.

Развѣрчивая другую: «Давно не приходилось присутствовать при такомъ полномъ провалѣ».

Быть-можетъ, еще хотите взглянуть третью?..

«Чехова «Чайка» погибла: ее убило единогласное шиканье всей публики. Точно миллионы плещъ, ось п шмелей наполнили воздухъ зрительнаго зала—до того сильно и ядовито было шипѣнье»...

Перечитывая теперь эти театральныя злыдни, прямо глазамъ не вѣришь! Чего тутъ только нѣтъ? «Штучья пьеса», «пелѣница въ лицахъ», «кляуза на живыхъ людей», «экземпляръ для театральной кунсткамеры» и т. п.

«Присутствовать весь литературный міръ» — оповѣщалось въ газетахъ. Но это очень громко звучитъ въ печати, а на дѣлѣ представляется какой-нибудь десятокъ добрыхъ литературныхъ именъ. Прибавьте сюда дюжину чуткихъ восторженныхъ поклонницъ Чехова... вотъ и все!.. Это капля въ широкомъ морѣ бенефисной публики, той особенной петербургской бенефисной публики, которая, заплативъ тройную плату за мѣста, ищетъ

на сценѣ вовсе не литературы, а любимой актрисы, въ ослѣпительныхъ бенефисныхъ туалетахъ и раздражительно любопытнаго зрѣлища — зрѣлища и зрѣлища прежде всего!..

А ее, не угодию ли, угощаютъ пьесой, написанной дерзко — наперекоръ театральной рутинѣ, да еще, вдобавокъ, исполненной въ томъ тускломъ банальномъ тонѣ, въ какомъ актеры-любители разыгрываютъ всякія передѣлки. И г-жа рутиня-публика точно вдуритъ помѣшалась отъ разочарованія и съ капризной придирчивостью винитъ актеровъ всецѣло перенесла на автора... Бѣдному автору ставилось рѣшительно все въ вину, самыя простыя мелочи!..

На сценѣ въ первомъ актѣ, послѣ захода солнца, темнѣетъ.

— Почему это вдругъ стало темно? Какъ это темно! — слышу чей-то голосъ позади моего кресла.

Во второмъ актѣ Треплева (Аполлонскій) кладетъ у ногъ Нины Зарѣчной (Комиссаржевская) убитую чайку. Рядомъ со мной опять кто-то ворчитъ:

— Отчего это Аполлонскій все носитъ съ какой-то дохлой уткой? Экая дичь, въ самомъ дѣлѣ!..

Въ антрактѣ (между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ) stalkиваюсь въ проходѣ между креслами съ однимъ превосходительнымъ членомъ театральной дирекціи.

— Помилуйте, — говорю я ему: — развѣ можно такія тонкія пьесы играть такъ возмутительно неряшливо?

Театральный генералъ презрительно фыркаетъ.

— Такъ, по-вашему, это «пьеса»? Поздравляю! А, по-моему, это — форменная ченуха!

Прохожу въ буфетъ и встрѣчаю тамъ знакомаго полковника, большого театралъ. Вотъ, думаю, съ кѣмъ отведу душу...

— Ну, и отличился же сегодня Сазоновъ! — негодую я: — вмѣсто литератора Тригорина играть доброй памяти Андрию Бѣлугина?..

Но миролюбивый полковникъ раздраженно на меня набрасывается:

— Да-съ, и надо въ пожки ему поклониться, что еще «играть»? Удивляюсь на дирекцію — какъ можно ставить на сцену такую галиматью!..

Возвращаюсь въ партеръ, удрученный до послѣдней степени.

Въ третьемъ актѣ, во время глубокого трогательнаго сцены между Аркадиной и Треплевыхъ, въ бенефисной публикѣ, Богъ вѣсть съ чего, вызываетъ веселое настроеніе бѣлая повязка, похожая на чалму, которую мать накладываетъ на голову раненаго сына (въ послѣднемъ изданіи «Чайки» Чеховъ сдѣлалъ очень тонкую поправку въ этомъ мѣстѣ).

Слѣдующая за ней сцена между Аркадиной и ея сожителемъ — литераторомъ Тригориннымъ — прямо великолѣпна по реализму и оригинальности замысла. Но сцена разыграна была Сазоновымъ и Дюжиной грубо и банально, и моментъ, когда Аркадина надаетъ на колѣни передъ Тригориннымъ, показался большинству смѣшнымъ и неестественнымъ.

А сцена послѣдней встрѣчи Треплева съ Ниной Зарѣчной въ четвертомъ актѣ? Она непонятна такого захватывающаго лиризма, что ее невозможно читать безъ слезъ, и Нина — Комиссаржевская начала эту сцену прекрасно; но въ концѣ сцены незначительная авторская ремарка все испортила. Декламируя монологъ, Нина стаскивается съ постели простыню и накидываетъ на себя, какъ театральную тогу — и эта мелочь непредвидѣнно вызвала въ публикѣ глухой хохотъ. На второмъ представленіи «роковая простыня» сдана была въ театральную тардешную, но конецъ пьесы — этотъ удивительный въ своей трагической простотѣ конецъ — на первомъ представленіи пропалъ, какъ проглоченная театральная реплика, возбуждивъ послѣднее недоумѣніе и... шипѣніе.

«Чайка» кончена, и я выхожу изъ театра точно въ дурманѣ. Впереди меня

протискивается къ выходу литераторъ Б. Онъ блѣденъ, какъ полотно, и на его обычно многодовольной физиономіи написано ужасъ.

О, какъ я понимаю этотъ ужасъ истиннаго литератора послѣ того, что случилось!

Замѣтайте, пожалуйста, что-жъ тутъ особенно трагическаго? Мало ли пьесъ на своемъ вѣку проваливалось, проваливается и будетъ проваливаться...

Если бы провалился въ 1889 г. «Ивановъ», это было бы, пожалуй, сполгоря; но Чеховъ 1896 г. давно переросъ автора «Иванова» и «Пестрыхъ разсказовъ» — это уже былъ популярнѣйшій и заслуженнѣйшій русскій писатель, и въ лицѣ его нанесена была обида чести русскаго литератора, вообще — обида, которой нѣтъ словъ... Для человѣка, хоть сколько-нибудь знающаго исторію русской литературы, было до боли очевидно, что со времени ослѣпанія въ Александринскомъ театрѣ комедіи Гоголя мы ушли не далеко, и «черезъ шестьдесятъ лѣтъ» въ той же залѣ, наполненной образованной публикой, температура общественнаго уваженія къ писателю стояла на нулѣ!..

Для Чехова обида была тѣмъ чувствительнѣе, что именно «Чайка» — одно изъ субъективнѣйшихъ произведеній этого на редкость объективнаго русскаго писателя.

Вотъ вамъ, на семилѣтнемъ промежуткѣ, два торжественные спектакля — и какая разниа въ результатахъ!.. И какая ironia! — добавилъ бы я, если вспомнить, что Чеховъ рѣшительно не любилъ своего «Иванова», и называлъ его «Болвановымъ», «психопатической пьесой», и искренно удивлялся, когда она увеличивала его доходы... Лично мнѣ онъ какъ-то высказался объ «Ивановѣ», что это одна изъ тѣхъ пьесъ, «которая никогда не воцелится въ репертуаръ и будетъ даваться въ провинціи лишь въ экстренныхъ случаяхъ, когда у антрепренера изсякнетъ запасъ новинокъ». «Чайку» же Чеховъ любилъ затаенной ревнивой любовью кроваваго художника.

И въ самомъ дѣлѣ, какое же можетъ быть сравненіе? Одинъ «языкъ» въ «Чайкѣ» чего стоитъ!..

Въ «Ивановѣ» много лишнихъ словъ, замѣтны слѣды вымученности и грубо-ватости, малодушныя уступки въ пользу театальной условности... Въ «Чайкѣ» напротивъ—настоящій типичный Чеховъ: скупой на слова, презрительно враждебный къ дешёвымъ эффектамъ, стиль всюду тонкій, изящный, душевно проникновенный, напоминающій мѣстами «стихотвореніе въ прозѣ»... Характеристики второстепенныхъ лицъ, въ родѣ Сорина, напримеръ, поражаютъ своей живописной скатостью: два-три штриха, и передъ нами живой портретъ, точно сейчасъ выскользнувшій изъ рамы.

Но меланхолическая, какъ вечерняя заря, «соната Шуберта» была разыграна въ тоиѣ Стравинскаго «Передѣлкаго марша». Послѣ этого чего же удивляться, если въ результатъ получилась невообразимая какофонія.

Бѣдный Чеховъ, «бѣдный неразгаданный пионеръ»! Недаромъ онъ бѣжалъ изъ театра безъ оглядки, смертельно уязвленный въ самое сердце...

Да, на первомъ представленіи «Чайка» пала—но посмотрите, какая вдругъ странность!—въ своемъ паденіи она непредвидѣнно увлекла и повалила всѣ театральныя манекены и очистила путь новому свяжему вѣянію... Какъ-никакъ, а уже послѣ «Чайки» на сценѣ стала немислима прежняя ложь и минюра, и даже театральныя закройщики въ алчной погонѣ за успѣхомъ стали усиленно при-способляться къ чеховской манерѣ.

Я не безъ умысла такъ распространился о первомъ представленіи «Чайки», ибо отнынѣ этотъ день въ исторіи театра является замѣтнымъ символическимъ рубежомъ.

Когда года четыре тому назадъ я впервые попалъ въ московскій театр Станиславскаго и увидѣлъ на хмурой темнотѣ сцены зашнурованнаго единственнаго украше-

ніе — символъ чеховской «Чайки» — я былъ растроганъ до слезъ... Осмѣянная, неразгаданная новая идея, очевидно, совершила обычный мистическій кругъ и нашла своего ревниваго служителя и поэта.

Повторяю, Чеховъ не любилъ театра, и его связь со сценой была не столько органической, сколько экономической; но развѣ театръ его не любилъ и не обогатилъ («Ивановъ» и «Медвѣдь»), Чеховъ не могъ остаться равнодушнымъ къ его судьбамъ и изъ драматурга-импровизатора превратился въ драматурга-повтора, вдумчиваго искателя новыхъ формъ и настроеній...

Эти исканія тревожили его еще задолго до появленія «Чайки». Помню, дня за два, за три до петербургскаго представленія «Иванова» онъ очень волновался его недостатками и условностями и импровизировалъ мнѣ по этому поводу мотивъ совсѣмъ своеобразнаго одноактнаго драматическаго этюда «Въ корчмѣ» — пѣсню въ родѣ живой картины, отпечатлѣвшейся въ перемежающихся настроеніяхъ повседневною жизнью толпы...

— Понимаете, при поднятій занавѣса на сценѣ совсѣмъ темно, хоть глазъ выколи... За окномъ гроза, въ трубѣ воетъ вѣтеръ и молнія изрѣдка освѣщаетъ группы ночлежниковъ, спящихъ въ-повалку, какъ понало... Корчма грязная, неприютная, съ сырими обѣдальными стѣнами... Но вотъ буря стихаетъ... слышно, какъ визжитъ дверь на блокѣ, и въ корчму входитъ новый человекъ... какой-нибудь заблудившійся прохожій — лицо интеллигентное, утомленное. Свѣтаетъ... Многие пробуждаются и съ любопытствомъ оглядываютъ незнакомца... Завязывается разговоръ, и такъ далѣе. Понимаете, что-нибудь въ этомъ духѣ?.. А насчетъ «Иванова» оставьте, — рѣзко оборвалъ онъ: — это не то, не то!.. Нельзя театру замерзать на одной точкѣ!

Какъ ни случайна и отрывочна приведенная драматическая фантазія, но она очень характерна для Чехова, какъ дра-

матурга, и можетъ быть отиѣчена, какъ первый зародышъ «песнь съ настроеніемъ» — новый, до чрезвычайности сложный родъ, нашедшій такого талантливаго толкователя, какъ К. С. Станиславскій.

Чехову тѣмъ болѣе было тяжело пережить оскорбительное паденіе «Чайки», что самые близкіе его друзья и сочувственники, наиболѣе способные по своему душевно-художественному складу угадать и поддержать новое исканіе, ушли въ иной міръ, конечно, лучшій, чѣмъ закулисный и журнальный.

Всезлодь Гарининъ, котораго, несмотря на краткое знакомство, онъ успѣлъ полюбить всей душой, весной 1888 года кончаетъ самоубійствомъ.

Другой задумчивѣйшій другъ Чехова, П. М. Свободинъ, осенью 1892 г. умираетъ отъ разрыва сердца на сценѣ Михайловскаго театра во время представленія комедіи Островскаго «Шутники».

Наконецъ, слѣдующіе два года похитили другихъ двухъ преданныхъ его сочувственниковъ: поэта Плещеева и композитора Чайковскаго (послѣднему, какъ извѣстно, посвящена Чеховымъ книга «Хмурые люди»).

Особенно тѣсно любилъ онъ Свободина, и его смерть вызываетъ со стороны Чехова глубоко прочувствованныя строки: «А Свободинъ-то каковъ? Этимъ лѣтомъ онъ прѣзжалъ ко мнѣ два раза и жилъ по нѣскольку дней. Онъ всегда былъ милъ, но послѣдніе полгода своей жизни онъ производилъ какое-то необыкновенно трогательное впечатлѣніе. Или, быть-можетъ, это мнѣ казалось только, такъ какъ я зналъ, что онъ скоро умретъ. Я, да и вы тоже, потеряли въ немъ человека, который искренно привязывался и крепко любилъ, не разбирая, великія или малыя дѣла мы совершаемъ... Онъ за глаза всегда называлъ васъ Жапонъ и любилъ сказать о васъ что-нибудь хорошее. Это былъ нашъ пріятель и нашъ заступникъ».

Невозможно вспоминаться мнѣ по этому поводу одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ январѣ 1891 г.

Наканунѣ были мои именины, прошедшія шумно и весело, съ почетнымъ застольнымъ гостемъ А. Н. Плещеевымъ во главѣ, — и я проснулся довольно поздно. Разбудилъ меня чей-то сильный знопокъ. Горничная черезъ дверь объясняетъ мнѣ въ замѣнательствѣ, что пришли какіе-то два незнакомые господина и хотятъ непременно меня видѣть?

— Кто такіе?

— Они такъ сказываютъ, что чиновники отъ градоначальника и по весьма важному дѣлу. Наскоро одѣваюсь я, не на шутку встревоженный, выхожу въ залу.

И что же? Въмѣсто полицейскихъ чиновниковъ вижу на порогѣ Чехова и Свободина. Оба весело переглядываются, явно довольные удавшейся мистификаціей.

Извинивъ говорить, какъ я обрадовался, тѣмъ болѣе обрадовался, что визитъ пришелся какъ разъ на другой день именинъ, и я имѣлъ возможность достойно угостить дорогихъ друзей. Но все же долго не могъ успокоиться, ибо времена были невеселыя, и я имѣлъ основаніе сильно взволноваться. За завтракомъ, между словомъ, я попрекнулъ Чехова за его выходку.

— Ахъ, Антуанъ, какъ вы меня ужасно разстроили! Вы вѣдь знаете, что я человекъ нервный и болѣзненный — и вдругъ такая впеизанность...

Чеховъ подлилъ себѣ и Свободину вина и окунулъ меня зоркимъ, докторски испытующимъ взглядомъ:

— Ну, вахъ! Жаль, нечего особенно безпокоиться!.. Первые у васъ, положимъ, щегалыны; но зато у васъ кость широкая и легкія крѣпкія. — И добавилъ, добродушно ухмыляясь: — Вотъ увидите, вы еще на нашихъ некрологахъ заработаете!!

И мы всѣ трое весело чокнулись...

Увы!..

(Ожесточеніе будуще).

Изъ воспоминаній объ Антонѣ Чеховѣ.

Ив. Щеглова.

(Окончаніе).

IV.

Послѣднія встрѣчи.

«..... Это началось съ того вечера, когда такъ глупо провалилась моя пьеса», — говоритъ Треплевъ въ Чайкѣ, и эти слова сѣло можно примѣнить къ исторіи болѣзни Чехова.

Докторъ Тарасенковъ въ своихъ запискахъ «о болѣзни Гоголя» выразилъ, между прочимъ, предположеніе, что въ такой тонкосложной художественной натурѣ, какова была у Гоголя, душевныя страданія являлись первопричиной тѣлеснаго недуга, а отнюдь не обратно, — и это характерное для медика предположеніе можно всецѣло отнести ко всякой глубокой художественной натурѣ, вообще, и, въ частности, къ Антону Чехову.

Душевное потрясеніе въ настоящемъ случаѣ было слишкомъ сильно, и противорѣчіе между двумя «пріемами» слишкомъ ошеломляюще, чтобы пройти безъ послѣдствій... На сколько преувеличенно шумны были похвалы, вѣнчавшія «Иванова», на столько же была груба до неприличія «обида непониманія», отиѣтвившая представленіе «Чайки». Это была смертельная обида въ буквальномъ смыслѣ, и долго потомъ Чеховъ не только избѣгалъ разговоровъ объ этомъ представленіи, но не выносилъ даже случайной обмолвки по этому поводу.

Злополучное представленіе, какъ уже извѣстно, состоялось поздней осенью 1896 г.; а уже ранней весной слѣдующаго года — слѣдовательно, меньше, чѣмъ черезъ полгода — Чеховъ лежалъ въ Московской клиникѣ съ явно обнаруженными признаками чахотки...

Въ апрѣлѣ 1897 г., въ бытность мою въ Москвѣ, я получилъ отъ Чехова открытку (со штемпелемъ отъ 5 апрѣля) съ приглашеніемъ навѣстить его: «Милый Жанъ, буду съ нетерпѣніемъ ожидать васъ. Приходите во всякое время дня, кромѣ промежутка отъ часа до трехъ пополудни, когда происходитъ кормленіе и прогуливаніе больныхъ зѣтрей. Я скажу швейцару, чтобы онъ принялъ васъ. Или лучше всего, когда прійдете, пришлите мнѣ со швейцаромъ вашу карточку, и я скажу, чтобы васъ привели ко мнѣ немедленно. Мнѣ гораздо лучше. Я уже гуляю. — Обитатель палаты № 14, А. Чеховъ. Суббота. Клиника проф. Остроумова».

Неселое вышло это свиданіе!..

Кромѣ того, въ помѣщеніи, гдѣ находился Чеховъ, было еще двое больныхъ, и это стѣсняло свободу бесѣды... Помѣщеніе — свѣтлое, высокое, просторное, каковыми русскіе антераторы рѣдко пользуются, находясь въ добромъ здоровьѣ.

Чеховъ лежалъ на койкѣ въ больничномъ халатѣ, заложивъ руки за голову, и о чемъ-то думалъ... Съ боку, вровень съ

кроватю, помѣщалась предательская жестяная посуда, прикрытая чистымъ полотенцемъ, куда А. П. парѣдка откашливался. Съ другой стороны—столикъ, и на немъ папка писемъ, чья-то толстая рукопись и вазочка съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ. Увидя меня, онъ поднялся съ кровати, протянулъ исхудалую руку и улыбнулся своей милой доброй «чеховской» улыбкой.

Я сѣлъ рядомъ на стулъ.

— Ну, чтѣ, Антуанъ, какъ дѣла?

— Да, что, Жанъ—плохissime! Зачисленъ отнынѣ официальнымъ порядкомъ въ инвалидную команду... Впрочемъ, медикумъ утѣшаютъ, что я еще долгою протяну, если буду блюсти инвалидный уставъ... Это, значитъ: не курить, не пить... ну, и прочее. Не авантюжная перспектива, надо признаться!

И его грустное, утомленное лицо стало еще грустнѣе.

Чтобы переменить разговоръ, я обратилъ вниманіе на толстую рукопись, лежавшую на столикѣ...

— Ахъ, это? Это одинъ юноша мнѣ всучилъ... Начинающій писатель—успешно прописалъ проштудировать... Поди, думаетъ, не вѣсть какая сладость быть русскимъ писателемъ!—Чеховъ вздохнулъ и показалъ глазами на папку писемъ:—Одинъ ли онъ тутъ!..

«Ну, люди,—подумать я про себя,—даже въ госпиталѣ, больному человѣку, не дадутъ покоя!»—А это у васъ отъ кого?—кинулъ я на букетъ, украшавшій больничный столикъ.—Навѣрное, какая-нибудь московская поклонница?

— И не угадали: не поклонница, а поклонникъ... Да еще, вдобавокъ, московскій богатый, миллионеръ.—Чеховъ помолчалъ и горько усмѣхнулся:—Небось, и букетъ преподнесъ, и цѣлый коробъ всякихъ комплиментовъ, а спроси у этого самого поклонника «десятку» займы—вѣдь не дасть! Будто не знаю я ихъ... этихъ поклонниковъ!

Мы оба помолчали.

— А, знаете ли, кто у меня здѣсь вчера былъ?—неожиданно и съ видимымъ удовольствіемъ вставилъ Чеховъ.—Вотъ сидѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь сидите.

— Не догадывалось.

— Левъ Толстой!

Я невольно разволновался.

— Вотъ интересно, о чемъ вы съ нимъ разговаривали?

Чеховъ чуть-чуть нахмурился и уклончиво отвѣчалъ:

— Говорили мы съ нимъ немного, такъ какъ много говорить мнѣ запрещено; да и потомъ... при всемъ моемъ глубочайшемъ почтеніи къ Льву Николаевичу, я во многомъ съ нимъ не схожусь... во многомъ!—подчеркнулъ онъ, и закашлялся отъ видимого волненія.

Очевидно было, что его болѣе тронулъ и обрадовалъ самый фактъ посѣщенія, чѣмъ его душевный результатъ; и также очевидно было... что критика и мораль Льва Толстого у койки больного, нуждающагося писателя пришлась не совсѣмъ ко двору.

Чтобъ нѣмнѣе не утомлять Чехова, я поднялся и сталъ прощаться. Онъ проводилъ меня въ коридоръ до самыхъ дверей, убѣждая навѣстить его въ непродолжительномъ времени въ Мелиховѣ.

— Слышите, Жанъ, я беру съ васъ слово!.. И, пожалуйста, не откладывайте по обыкновенію, ибо лѣтомъ медикумъ посылаютъ меня на кумысъ.—И уже у самыхъ дверей онъ добавилъ, мягко улыбуясь:—А вѣдь знаете, я почти привыкъ здѣсь... здѣсь такъ удобно думать! А по утрамъ я хожу гулять, хожу въ Новодевичій монастырь... на могилу Плещеева. Другой разъ загляну въ церковь, прислонюсь къ стѣнкѣ и слушаю, какъ поютъ монашенки... и на душѣ бываетъ такъ странно и тихо!..

Имѣя всегда подъ рукою сочиненія Чехова и, при случаѣ, перечитывая нѣкоторыя изъ нихъ, я всегда умилялся глубокой правдивостью Чехова, сколько въ

изображенія, столько же въ настроеніи,—этой чертой истиннаго художника, не допускающаго ни малѣйшей подмѣны ни въ словѣ, ни въ чувствѣ.

И теперь, набрасывая эти поминальные замѣтки о посѣщеніи палаты № 14, рука моя невольно потянулась къ томпу, заключающему въ себѣ «Палату № 6», гдѣ описывается посѣщеніе церкви Андреемъ Ефимычемъ: «Стоя около стѣны и зажмуривъ глаза, онъ слушалъ пѣніе и думалъ объ отцѣ, о матери, объ университетѣ, о религіяхъ, и ему было покойно, грустно...»

Не правда ли какъ странно? Чуть не дословное повтореніе чеховской послѣдней фразы, случайно вырвавшейся при прощаніи въ клиникѣ... Эта же меланхолически-религіозная нота проходитъ искоса въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, гдѣ онъ упоминаетъ объ открытіи памятника поэту Плещееву на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря. «26 сент. освятили памятникъ на могилѣ Плещеева... Я слушалъ пѣніе монашенокъ, думалъ о «padre»*), о васъ». Какъ видите, и въ письмѣ, и въ бесѣдѣ, и въ повѣсти, Чеховъ всюду одинъ и тотъ же... всюду самый тѣнѣйшій союзъ чувства и слова!..

Но это такъ, мимоходомъ, подѣ наплывомъ дорогихъ воспоминаній.

Тогда же, выходя изъ клиники, я думалъ совсѣмъ о другомъ...

Я думалъ о печальной участи одного изъ самыхъ правдивѣйшихъ русскихъ писателей, осужденнаго на медленное догораніе въ расцвѣтѣ своего таланта. Сколько, подумаешь, всякихъ утомительныхъ сочувствій окружалъ его больничную койку и, среди этой нестройной толпы сочувственниковъ, великихъ и малыхъ, не нашлось ни единого, который бы догадался позабыть на больничномъ Чеховскомъ столикѣ... «чекъ» на необходимую

сумму для поѣздки за границу. А вѣдь такой «чекъ», *ad-время* полученный, могъ бы спасти его, тѣмъ болѣе, что Чеховъ, какъ это я узналъ впослѣдствіи, именно въ это время находился въ исключительной крайности. И вотъ, потрясенный физически и нравственно, онъ возвращается въ свое подмосковное имѣніе на новыя работы и заботы...

А вмѣсто желаннаго отдыха, на голову больного, нуждающагося писателя обрушилось доморощенное «Police vergo» («Добей его!») въ видѣ неугомоннаго поминичества въ Мелиховѣ разныхъ незваныхъ гостей и непрощенныхъ сочувственниковъ. Кого тутъ только не было!..

То прѣзжаетъ цѣлая замоскворѣцкая семья, будто бы, «чтобъ насладиться бесѣдой безцѣпнаго Антона Павловича», а въ сущности для того, чтобы отдохнуть на лонѣ природы отъ московской суеты, и заставляющая исполнять Чехова роль чичероне мелиховскихъ окрестностей... То является какая-нибудь профессорская чета, говорящая безъ умолку съ утра до вечера и жалующаяся на другой день Чехову, что имъ мѣшало спать пѣніе пѣтуха и мычаніе коровы... То налетаетъ тройка совершенно незнакомыхъ студентовъ,—по словамъ послѣднихъ, «исключительно затѣмъ, чтобы справиться о драгоцѣнномъ здоровьѣ Антона Павловича»,—и остающаяся на двое сутокъ, и т. д., и т. д.

«Все это было бы смѣшно, Когда бы не было такъ грустно».

Пріѣхавъ въ концѣ апрѣля въ Мелихово, я прямо ужаснулся пережитъ, которая произошла въ Чеховѣ со времени нашего недавняго свиданія въ Остроумовской клиникѣ. Лицо было желтое, изможденное, онъ часто кашлялъ и зѣбко кутался въ пледъ, несмотря на то, что вечеръ былъ на рѣдкость теплый... Помню, въ ожиданіи ужина, мы сидѣли на скамеечкѣ возлѣ его дома, въ уютномъ

*) «Padre» — прозваніе поэта Плещеева въ посвященной ему мной литературной характеристикѣ.

уголѣ, украшенномъ клумбами чудесныхъ тюльпановъ; рядомъ, у ногъ Чехова, лежалъ, свернувшись, его мелховскій любимчикъ, собачка Бромъ, маленькая, коричневая, забавная, похожая на шоколадную сосульку... Чеховски-деликатно, мѣткими полунамёками, А. П. повествовалъ мнѣ о своихъ житейскихъ невзгодахъ и сѣтовалъ на вызванное ими крайнее переутомленіе.

— Знаете, Жанъ, что мнѣ сейчасъ надо?—заключилъ онъ, и въ его голосѣ звучала страдальческая нота.—Годъ отдохнуть! Ни больше, ни меньше. Но отдохнуть въ полномъ смыслѣ. Пожить въ полное удовольствіе: когда издумается,—погулять, когда издумается,—почитать, путешествовать, бить баклуши, ухаживать... Понимаете, одинъ только годъ передышки, а затѣмъ я снова примусь работать, какъ каторжникъ!

Я неподобно взглянулъ на Чехова и подумалъ: «Боже мой, что сдѣлала «литература» съ человѣкомъ въ какія-нибудь десять лѣтъ! Тогда, при первой встрѣчѣ въ гостиницѣ «Москва», это былъ цвѣтущій юноша, а теперь... чуть только не старикъ».

Но зато, какая была выѣтъ съ тѣмъ переѣмъ въ духовномъ отношеніи! Это былъ какъ бы другой человѣкъ. Въ тотъ первый періодъ жизнедеятельности юности и неутомимыхъ успѣховъ, Чеховъ обнаруживалъ «по временамъ» досадныя черты какой-то студенчески легкомысленной заносчивости и даже, пожалуй, грубоватости... Но уже въ третій свой пріѣздъ въ Петербургъ (въ 1891 г. послѣ своего путешествія на Сахалинъ) этихъ рѣзкихъ диссонансовъ какъ не бывало, что дало мнѣ поводъ какъ-то замѣтить А. П. въ интимной бесѣдѣ, что «послѣ Сахалина онъ значительно исправился». Чеховъ ни мало не обидѣлся на мой случайный каламбуръ и сумрачно проговорилъ:

— Да, много чего я тамъ насмотрѣлся... много чего передумать!

Смерть брата (художника) и путешествіе на Сахалинъ наложили на Чехова свою мистическую печать... Въ своихъ работахъ онъ сталъ вдумчивѣе, углубленнѣе, въ рѣчахъ осмотрительнѣе, деликатнѣе, въ отношеніяхъ къ людямъ замѣтно сдержаннѣе. Пережитыя потрясенія точно открыли ему новое, болѣе широкое поле зрѣнія, и онъ глядѣлъ теперь впередъ, какъ бы черезъ головы людей, храни про себя ему одному вѣдомыя психологическія загадки и откровенія. Видимо даже самый недугъ, постигшій Чехова и физически его подтачивавшій, косвенно вліялъ на это духовное обновленіе (невольно вспоминается чуткое слово Гоголя «о значеніи болѣзней»).

Про теперешняго Чехова можно было сказать, нѣсколько перефразируя, то же, что онъ сказалъ о своемъ другѣ, Свободинѣ: «Онъ всегда былъ душевно притягателенъ, но послѣднее время производилъ какое-то совсѣмъ особенное, необыкновенно трогательное впечатлѣніе».

Не могу обойти полноту еще одной художнической черты: одновременно съ личнымъ совершенствованіемъ совершенствовался и слогъ Чехова.

За то какъ быстро и легко писалъ онъ вначалѣ!

Помню, въ первые дни нашего знакомства, зашелъ я какъ-то къ нему въ номеръ гостиницы «Москва». Вижу Чеховъ сидитъ и быстро пишетъ. Я хотѣлъ было отретироваться, разсчитывая, что пришелъ очень не кстати и навѣрное помѣшалъ.

— Напротивъ, Жанъ, вы пришли какъ нельзя болѣе кстати и должны мнѣ помочь! Я сейчасъ описываю путешествіе «артиллерійской бригады» и боюсь, какъ бы гдѣ не навратъ. Вотъ, будьте добры, какъ бывшій артиллеристъ, внимательно проштудируйте эту страничку!

И онъ усадилъ меня на свое мѣсто. Передо мною было окончаніе извѣстнаго чеховскаго разсказа «Поцѣлуй»... именно

попались на глаза слѣдующія строки: «Само орудіе некрасиво. На передѣ лежатъ мѣшки съ оскомъ, прикрытые брезентомъ, а орудіе все завѣшено чайниками, солдатскими сумками, мѣшечками и выѣтъ видъ маленькаго, безвреднаго животнаго, котораго, неизвѣстно для чего, окружили люди и лошади. По бокамъ его съ подвѣтренной стороны, размахивая руками, шагаютъ шесть человѣкъ прислуги. За орудіемъ опять начинаются новые уносные, ѣдовые, коренные, а за ними тянется новое орудіе, такое же некрасивое и не внушительное, какъ и первое. За вторымъ слѣдуетъ третье, четвертое; около четвертаго офицеръ и т. д.»

Тутъ Чеховъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, вы начните раньше... вотъ отсюда: «Впередѣ всѣхъ шагали четыре человѣка съ шапками...» Я вамъ говорю серьезно, мнѣ очень важно знать ваше мнѣніе!

Я сталъ читать съ начала и прямо былъ пораженъ вѣрностью описанія и еще болѣе былъ пораженъ, когда разсказъ появился въ «Новомъ Времени» (разсказъ былъ стремительно законченъ въ тотъ же вечеръ и на утро сданъ въ наборъ), пораженъ удивительной чуткостью, съ какой схваченъ былъ самый духъ и складъ военной среды. Просто не вѣрилось, что все это написалъ только соскочившій съ университетской скамьи студентикъ, а не заправскій военный, прослужившій, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ въ артиллеріи!

Съ строго-придирчивой точки зрѣнія можно, пожалуй, найти нѣкоторыя «длинноты» именно въ описаніи движенія бригады—единственный недостатокъ разсказа, написаннаго чуть ли не въ двое сутокъ... Даже его обширная «Степь», эта великолѣпнѣйшая поэма, на страницахъ которой природа дышитъ и люди шевелятся, какъ живые, написана была сравнительно очень быстро... Но, разумеется, и на солнцѣ сѣть лютна, и одно такое

незначительное стилистическое пятнышко я какъ-то указалъ Чехову, когда мы разговаривали о «Степи». Именно почему-то вспомнилась въ самомъ началѣ (гдѣ говорится о смерти бабушки) фраза, на которой я заппулся, читая впервые разсказъ: «Она была жива, пока не умерла...» Что-то въ этомъ родѣ.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ Чеховъ и сейчасъ же досталъ съ полки книгу и нашелъ мѣсто: «до своей смерти она была жива и носила съ базара мясные бублики».—Чеховъ разсмѣялся.—Дѣйствительно, какъ это я такъ не догадывалъ. А, впрочемъ, нынѣшняя публика не такіе еще фрукты кушаетъ. Нехай!

И равнодушно захлопнулъ книгу.

Тогда онъ еще не достигъ совершенства стили, обнаруженнаго въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, гдѣ идея, такъ сказать, вплотную срастается со словомъ. То была пора творческаго половодья, когда рѣка вдохновенія выступала изъ береговъ и несла сѣбѣ пловца впередъ, минуя мели и пороги.

Когда послѣ ужина мы перешли въ кабинетъ,—тѣсноватый, но уютный чеховскій кабинетикъ,—зашелъ разговоръ на эту же самую тему о стилѣ. Какъ разъ незадолго передъ этимъ я прочелъ его повѣсть «Моя жизнь», напечатанную въ «Нивѣ» (въ «Литературныхъ Приложеніяхъ») и находился подъ обаяніемъ ея художественной красоты. Въ этой повѣсти, столь оскорбительно замолчанной критикой, Чеховъ выступаетъ истиннымъ мастеромъ слова и, какъ стилистъ, становится плечомъ къ плечу съ Тургеневымъ. (Впоследствии эта повѣсть была оценена по достоинству заграничной критикой). Напечатанные передъ тѣмъ въ «Русской Мысли» и надѣлавшіе столько шума «Мужики», признаться, меньше меня удовлетворили. Главный недостатокъ, на мой взглядъ, было самое заглавіе, слишкомъ обобщавшее фигуры, явно списанныя съ пригородныхъ мужиковъ (села Жукова), и въ этомъ смыслѣ какое-либо другое

название, въ родѣ, напримѣръ, «Жуковцы», даю бы болѣе мягкое освѣщеніе темѣ. Напротивъ, заглавіе: «Моя жизнь» было, по-моему, слишкомъ мелко и скромно для такой глубоко захватывающей повѣсти. Наконецъ, меня озадачили въ «Мужикахъ» двѣ-три строки, прозрачно напоминавшія извѣстную проповѣдническую манеру Л. Толстого, тѣмъ болѣе озадачили, что Чеховъ былъ чуть ли не единственный изъ современныхъ писателей, уцѣлѣвшій, какъ художникъ, отъ толстовскаго влияния.

Все это безъ обиняковъ, по-товарищески, я выложилъ А. П.

— Оно, пожалуй, и такъ,— задумчиво отозвался Чеховъ:— а вотъ, небось, критика распинается за «Мужиковъ», а о «Моей жизни»—ни гу-гу!

Я указалъ Чехову на романъ самого Л. Толстого: «Семейное счастье» — вещь изумительную по тонкости и глубинѣ—и тоже почти пропущенную критикой. И потомъ, замѣтилъ я, «Моя жизнь» напечатана въ «Нивѣ», а наши критики неисправимые рутинеры и, повидимому, смѣшиваютъ «Ниву» съ журналомъ для малолѣтнихъ, хотя страницы «Нивы» зачастую украшаются самыми громкими именами. Недалеко взять почтеннѣйшаго А. М. Скабичевского (напомнилъ я ему), который открылъ въ Чеховѣ талантъ лишь послѣ того только, какъ онъ сталъ печататься въ «Русской Мысли».

Чеховъ, пригатавливавшій въ то время къ изданію «Мужиковъ», серьезно призадумался и затѣмъ нерѣшительно проговорилъ:

— Такъ вы, Жанъ, полагаете, что въ изданіе и «Мую жизнь» можно будетъ включить?..

Я прямо развелъ руками при видѣ такого неосуществимаго авторскаго простодушія. Результатъ, однако, означенной случайной бесѣды былъ тотъ, что «Моя жизнь» вышла въ свѣтъ въ одномъ томѣ съ «Мужиками» и, кромѣ того, въ послѣднихъ исчезли предательскія строки,

выдававшія мимолетное толстовское влияние.

Разговоръ завязался «о писаніи» вообще, и я напомнилъ Чехову о его рассказѣ «Почтудай», который онъ шутя дописалъ почти на моихъ глазахъ въ номерѣ петербургской гостиницы.

— Ставное время было!—вздыхнулъ я.

— Было да сышло!—вздыхнулъ Чеховъ въ свою очередь:— теперь, если страничку въ день напаранаешь—и то благодать!.. Да и мѣшаютъ мнѣ здѣсь, не дай Богъ!.. Можете себѣ представить, не далѣе, какъ на этихъ дняхъ, изъ Москвы пожаловала сюда чуть не дюжина гостей!.. Точно у меня, въ самомъ дѣлѣ, постоянный дворъ какой-то! И всѣхъ-то надо напоить, накормить, придумать, гдѣ уложить на ночь!..

Чеховъ закашлялся, поднялся съ дивана и плотнѣе притворилъ форточку.

Мы помолчали.

— Знаете, Жанъ, какая у меня мелькнула сейчасъ идея?—заговорилъ Чеховъ, и лицо его повеселѣло:—верстъ десять отсюда сдается хуторокъ—снимемте его вмѣстѣ на лѣто «для писанія»... Туда къ намъ ни одинъ лѣшій не заглянетъ!

Мнѣ оставалось только вздохнуть, такъ какъ личныя мои обстоятельства не только не позволяли мнѣ думать о такой соблазнительной перспективѣ, но и въ Мелиховѣ не позволяли оставаться болѣе сутокъ.

И видя, что меня съ непривычки разморило съ дороги, добавилъ:

— Однако, идите-ка спать... а я сяду писать!

— Антуанъ, помилосердствуйте... скоро полночь! Вѣдь это вредно!

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Что же дѣлать, когда мнѣ утрожь не дадутъ ни минуты покоя!..

Въ этомъ же смыслѣ не разъ жаловалась мнѣ мать Чехова, добрыйша и гостепріимнѣйшая Евгенія Яковлевна:

— Ужъ мы причемъ Антошу, при-

чемъ—все-то ему мѣшаютъ!—говорила она мнѣ, вздыхая.

На другой день я могъ въ этомъ убѣдиться вполнѣ: въ буквальный смыслъ ему не давали ни минуты покоя!.. Съ ранняго утра къ нему забрался какой-то помѣщикъ, который сидѣлъ очень долго, потомъ явился земскій врачъ, затѣмъ сельскій батюшка, затѣмъ еще кто-то въ военной формѣ—кажется мелиховскій исправникъ... Изъ окна отведеннаго мнѣ флигелька было отлично видно, какъ къ крыльцу скромнаго одноэтажнаго чеховскаго домика то подкатывала бричка, то деревенскій тарантасъ, и какъ прислуга поминутно бѣгала черезъ дворъ, изъ кухни въ комнаты, съ разной снѣдью и посудой, то накрывая на столъ, то убирая со стола. А въ маленькой проходной горенкѣ, около чеховскаго кабинета почти не переводились мужики и бабы—кто за дѣломъ, кто за пустяками, кто за врачебной помощью... И, въ довершеніе нечаястна, къ завтраку свалился, какъ снѣгъ на голову, гость изъ Москвы—невѣдомый толстѣйшій нѣмецъ, молодой и франтоватый, чуть ли не зубной врачъ по профессіи (котораго Чеховъ какъ-то случайно встрѣтилъ въ Москвѣ, около клиники и, какъ «коллега» въ нѣкоторомъ родѣ, сообщилъ гостепріимно свой мелиховскій адресъ).

Толстѣйшій нѣмецъ былъ откомандированъ со своимъ толстымъ чехоманомъ ко мнѣ во флигель и заставилъ меня бросить срочную работу, взятую съ собой—«корректуру», которую я долженъ былъ сдать на другой день въ московскую редакцію. Когда фатальный нѣмецъ ушелъ передъ обѣдомъ осматривать мелиховскія окрестности, я снова принялся за работу. Это была корректура только-что оконченной мной четырехъактной комедіи «Затерянный Мудрецъ».

За работой я не дослышалъ, какъ вошелъ въ комнату Чеховъ, и, видя, что я занятъ, онъ молча прилегъ рядомъ на диванѣ.

— Можно?—деликатно проговорилъ онъ, немного погодя, протягивая руку къ прочитаннымъ гранкамъ.

Я, разумѣется, выразилъ свое полнѣйшее удовольствіе.

Какъ разъ ему попался конецъ перваго акта, заключающійся словами старика-профессора передъ портретомъ Пушкина: «Фортъ меня догадалъ родиться въ Россіи... съ душой и талантомъ!..» Последнюю фразу Чеховъ прочелъ въ полголоса про себя съ особенной выразительностью и обратился въ мою сторону.

— Это у васъ, Жанъ... откуда?

— Это—слова Пушкина... изъ письма къ женѣ.

— Какъ это странно... мнѣ именно сегодня приходили въ голову почти тѣ же слова!..

Онъ задумался и принялся читать далѣе. Кстати сказать, около этого времени А. П. перерабатывалъ своего неудачнаго «Лѣшаго» — изъ какой-то переработки, какъ извѣстно, получилась его лучшая драматическая вещь «Дядя Ваня» — и, какъ это ни странно, обоимъ «сверстникамъ» постигла одновременно одна и та же судьба, т. е. обѣ не были одобрены литературно-театральнымъ комитетомъ: мой «Затерянный Мудрецъ» — петербургскимъ, а его «Дядя Ваня» — московскимъ... и обѣ накли вполнѣ пріять на частной сценѣ; моя комедія въ Суворинскомъ театрѣ, а чеховская—въ театрѣ Станиславскаго... Страннѣ всего, что и мой чуткій «затерянный» профессоръ («проф. Макушинъ») и чеховскій—бездарный, но «популярный» («проф. Серебряковъ») одинаково были отвергнуты «профессорскими» синклитами. Житейская правда остается, такимъ образомъ, за Чеховымъ, такъ какъ въ синклитѣ не оказалось ни одного... Макушина!

Дочитавъ корректурные листки, Чеховъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ указаній «относительно необходимости въ драматическомъ произведеніи болѣе простоты и близости къ жизни, не только въ рѣ-

часть действующих лиц, но даже в самих их именах и фамилиях; и затѣмъ сталъ упрощать меня погостить еще лишнія сутки, убѣждая, что корректуру можно отличѣйшимъ образомъ переслать редакціи почтой. Соблазнъ былъ очень великъ, и я сталъ сдаваться, когда неожиданно вернулся съ прогулки московскій нѣмецъ. Чеховъ вдругъ закашлялся и скоро ушелъ, мрачно покосившись на толстый нѣмецкій чемоданъ, загромождавшій проходъ.

Ахъ, этотъ нѣмецъ! Онъ испортилъ всю музыку...

Нѣмецъ оказался, однако, довольно добродушнымъ малымъ и сразу выложилъ свои карты... Дѣло въ томъ, что у него была запасена гдѣ-то, на границѣ Румыніи, невѣста, и онъ собирался жениться, для чего и выхлопоталъ трехмѣсячный отпускъ. И вотъ, проѣздомъ въ Румынію, ему пришлось въ голову захватить къ «коллегѣ» и погостить *недалеку-друзю* въ Мелиховѣ.

При послѣднихъ словахъ я внутренне похолодѣлъ за Чехова и рѣшилъ во что бы то ни стало спасти его отъ нѣмца... Я чувствъ, какъ художникъ, что Чеховъ не только былъ переутомленъ недавнимъ московскимъ наводненіемъ, но именно находился въ томъ знакомомъ художническомъ возбужденіи, когда особенно хочется работать... И я сталъ усиленно гипнотизировать нѣмца — я ему сталъ объяснять, что Чеховъ первый русскій писатель и что онъ серьезно боленъ и нуждается въ полнѣйшемъ покоѣ и — что если русскіе люди некультурны и этого не понимаютъ, то онъ — культурный сынъ культурной страны, — конечно, все пойметъ. Нѣмецъ долго сосредоточенно думалъ, посмотрѣлъ съ уныніемъ на свой великолѣпный чемоданъ и вдругъ рѣшительно выпалилъ:

— Вы правы, Негг Шегловъ: всякій чортъ сюда лѣзетъ!.. Давайте ѣзжать назадъ!!

Я почти со слезами обнялъ благород-

наго нѣмца (сначала, признаться, я поинтересовался его фразой въ единственномъ числѣ и не разобралъ, что онъ ставитъ на одну доску свое шалочное знакомство и мою десятилѣтнюю писательскую дружбу!)

Нечего было дѣлать — надо было «ѣзжать назадъ»... въѣздъ — ужъ выручить товарища, такъ выручать!

Къ величайшему недоумѣнію Чехова, за обѣдомъ и мужественно объявилъ, что «мы» сегодня же должны непременно ѣхать въ Москву и усердно просимъ дать лошадей, чтобы не опоздать на поѣздъ.

Но этимъ анекдотъ не кончается...

Выѣхали мы въ-время и ѣхали все время благополучно, когда, на половинѣ дороги, нѣмецъ вдругъ побѣднѣлъ и, ухвативъ кучера за кушакъ, остановилъ тарантасъ.

— Что случилось?

Нѣмецъ тупо посмотрѣлъ на меня:

— Надо ѣзжать назадъ: я забылъ мой пальто!..

Мнѣ сдѣлалось нехорошо. Но внезапно счастливая мысль озарила мой мозгъ и ко мнѣ вернулось самообладаніе.

— Что-жъ, вернемтесь, — съ минимой покорностью подкакнулъ я: — только очень жаль... что вашей свадьбы теперь не бывать!

— Это зачѣмъ?! — толстая физиономія нѣмца выразила ужасъ и недоумѣніе.

— Очень просто, зачѣмъ — зачѣмъ, что нѣтъ на свѣтѣ хуже примѣты... какъ возвращаться съ пути назадъ! Во время путешествія это самое роковое предзнаменованіе!..

И я привелъ ему на удачу два-три примѣра, когда самые лучшіе планы рушились только изъ-за того, что человекъ возвращался назадъ за какимъ-нибудь пустякомъ. Былъ даже такой случай... Одинъ мой товарищъ, превосходѣйшій молодой человекъ, назначившій своей невѣстѣ свиданіе, забылъ дома свой портсигаръ и вернулся съ дороги. И что же бы вы думали? Невѣста, не дождавшись въ назначенный часъ же-

ниха, неожиданно поѣхалась и выбросилась изъ окошка... А что до пальто (оставлено было второе «осеннее пальто»), то я утѣшилъ его, что по нынѣшнему теплomu времени оно было бы прямо въ тягость, и самое лучшее телеграфировать со станціи, чтобы пальто выслали по новому адресу: — «прямо по адресу вашей невѣсты», — лукаво добавилъ я. Напоминанія о невѣстѣ размячили сентиментальнаго нѣмца... и мы снова двинулись въ путь, при чемъ возбужденный нѣмецъ даже посулилъ кучеру на чай.

Записывая теперь этотъ анекдотъ, вижу съ горечью, что жертва моя куплена была слишкомъ дорогою цѣной. Могъ ли, впрочемъ, тогда подозревать, что это свиданіе съ Чеховымъ «будетъ послѣднимъ»?.. Не успѣвъ осмотрѣться въ Мелиховѣ, какъ уже пришлось ѣзжать!.. Урывками осмотрѣлъ я сельскую церковь въ Мелиховѣ, украшенную, по словамъ сторожа, усердіемъ Чехова, видѣлъ мелькомъ строящуюся школу (опять стараніями того же Чехова), урывками бесѣдовалъ кой съ кѣмъ изъ мелиховскихъ мужиковъ, съ трогательною ласковостью отзывавшихся о новомъ мелиховскомъ помѣщикѣ; а затѣмъ уцѣлѣвъ въ памяти... умиротворяющая собачка «Бромъ», клумба съ яркими фантастическими тюльпанами и благоухающей вишневый садъ — этотъ отъѣздъ исторической «вишневый садъ», въ это утро перваго мая бывшій въ полномъ цвѣтѣ, точно нѣжный свадебный букетъ.

И говорить приходилось съ Чеховымъ тоже урывками. Помню, когда уже подали къ крыльцу тарантасъ, Чеховъ что-то говорилъ мнѣ, но я сильно волновался, и въ памяти мелькаютъ сейчасъ только отдѣльныя фразы: «Когда-то, Жанъ, мы съ вами увидимся?.. Что-то будетъ черезъ семь лѣтъ?.. Теряемъ мы жизнь!..»

Когда мы уже хотѣли двинуться въ путь, Чеховъ присѣлъ на подножку тарантаса и съ полверсты провожалъ насъ. Затѣмъ онъ слѣзъ и ибкомъ пошелъ домой... Я нервно оглянулся ему

вслѣдъ... Чеховъ шелъ чуть-чуть согрившись, опираясь на палочку, и, вѣроятно, думалъ про себя свою странную хмурую думу: «Что-то будетъ черезъ семь лѣтъ?..»

Роковая цифра!..

Черезъ семь лѣтъ пришла... европейская извѣстность и, вмѣстѣ съ ней, смерть.

У.

Чеховъ въ письмахъ и бесѣдахъ.

3-го іюля 1904 г. — Суббота.

Сколько бы ни суждено было мнѣ еще прожить на свѣтѣ, никогда не забуду этого ужаснаго дня!..

Въ это печальное лѣто я контѣлъ безвыздно въ Петербургѣ въ старинномъ домѣ у Покрова; хозяйки, у которыхъ я снималъ комнату, еще въ маѣ уѣхали на дачу, и я былъ совершенно одинокъ, если не считать старухи-кухарки, прислуживавшей мнѣ и готовившей весьма сомнительные обѣды...

Наканувъ, во второмъ часу ночи, со мной произошло нѣчто странное: я внезапно проснулся въ величайшей тоскѣ и страхѣ, точно отъ остраго электрическаго тока. Я рѣшительно не понималъ, что со мной происходило!.. Все существо мое тѣснила какая-то непостижимая душевная тревога, отъ которой я прямо не зналъ, куда дѣваться... Сердце усиленно билось, глаза были мокры отъ слезъ, а тоска все росла, росла и разрѣшилась наконецъ формальной истерикой... Боже мой, что же это такое? думалъ я про себя, стыдясь своей слабости. Припадокъ неврастения, послѣдствіе ночного кошмара, быть-можетъ — что со мной нѣрѣдко бывало — предчувствіе какого-нибудь новаго страшнаго несчастья для русскаго человѣка?..

Но послѣ содрогавшей телеграммы о гибели «Петропавловска» я никакъ не

могъ себѣ представить чего-либо болѣе страшнаго... Тогда у меня явилось предположеніе, что гдѣ-нибудь по близости пожаръ, и никто о немъ не догадывается. Я поднялъ штору, отворилъ окно и сталъ прислушиваться. Ни звука... Бѣлѣвшая передъ моими глазами въ туманѣ утренняго разсвѣта Покровская площадь была тиха и пустынна, точно заснувшее озеро... Но вотъ на куполѣ покровской церкви появилось блестящее золотое пятнышко—одно, другое, третье... Это вышло солнце... Я немного успокоился, закрылъ окно и снова легъ.

На другой день, просматривая за чаемъ «Новое Время», разсѣянно оставившаяся на незнакомомъ мнѣ названіи: Бадень-Вейлеръ... Это еще, что за «Бадень-Вейлеръ»? думаю себѣ... И вдругъ буквы начинаютъ мѣшаться въ глазахъ, какъ сквозь черную сѣтку... Читаю — и не вѣрю... «Бадень-Вейлеръ, 2-го (15-го) іюли. Чеховъ скончался въ три часа ночи неожиданно отъ слабости сердца, безъ страданій тихо заснулъ».

Перечитываю во второй разъ, въ третій, въ четвертый... и все еще не вѣрю! Наконецъ, беру другія газеты и тогда лишь убѣждаюсь въ дѣйствительности... Далѣе не стану описывать — есть неисчерпаемыя по глубинѣ и святости чувства, которыя рѣшительно не поддаются никакому перу, даже писательскому, искусному въ описаніи всяческихъ человѣческихъ скорбей... Мнѣ почудилось, что въ комнатѣ сразу все померкло... Померкъ висѣвшій напротивъ портретъ Пушкина, померкъ стоявшій на письменномъ столѣ бюстъ Александра II, померкъ шкапъ съ книгами, пестрѣвшій на нижней полкѣ разноцвѣтными корешками: «Сочиненія Антона Чехова»... Машинально, самъ не зная, почему, потянулся я къ этой нижней полкѣ и вынулъ первый томъ, попавшійся подъ руку... Попадется «Черный монахъ» Чехова... Какъ разъ описание смерти. Вотъ когда онъ пришелъ! — подумалось въ одно съ

героемъ постигши... Читаю и чувствую, что слезы противъ воли туманятъ глаза... «Онъ звалъ Таню, звалъ большой садъ съ роскошными цвѣтами, обрызганными росой, звалъ паркъ, сосны съ мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смѣлость, радость, звалъ жизнь, которая была такъ прекрасна. Онъ видѣлъ на полу около своего лица большую лужу крови и не могъ уже отъ слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо. Вина подъ балкономъ играли серенаду...»

Дальше я не только не въ состояніи былъ читать, но не въ силахъ былъ оставаться одинъ въ комнатѣ.

Я бродилъ потерянно изъ улицы въ улицу, и мозгъ стискивала, какъ клещами, одна мысль: Чехова—нѣтъ!..

Я смотрѣлъ на звѣздившія, переполненные народомъ, конки, смотрѣлъ на окна цвѣточныхъ магазиновъ съ пыльными тюльпанами и азалиями, смотрѣлъ на улыбающихся нарядныхъ барынь, шмыгавшихъ по тротуару — и думалъ про себя: люди живутъ и хлопочутъ, цвѣты цвѣтутъ, женщины смѣются... а Чехова нѣтъ, а Чехова нѣтъ!!

Промелькнулъ мимо меня на извозчикѣ господинъ въ высокомъ цилиндрѣ, очень похожій лицомъ на попамаря и еще болѣе на того несносно-тупого критика, столько разъ поносившаго Чехова при жизни, и опять подумалъ: вотъ и онъ тоже живъ, и будетъ еще долго жить и поносить, — а Чехова нѣтъ, а Чехова нѣтъ!!

Тяжело, когда умираетъ дорогой сердцу писатель, тяжело, когда умираетъ добрый опытный совѣтникъ, не разъ выручавшій васъ, еще тяжелѣе, когда умираетъ близкій другъ, съ которымъ вы прожили рядомъ полжизни. Но когда неожиданно-негаданно терпѣшь заразъ въ одномъ лицѣ—и нѣжнаго друга, и мудраго совѣт-

чика, и любимѣйшаго русскаго писателя, — скорбь какъ бы скручивается въ одинъ огромный, всеувеличивающійся комъ, готовый придать послѣдніе остатки человѣческаго мужества... Немало схоронилъ я на своемъ вѣку именитыхъ людей, дарившихъ меня дружескимъ чувствомъ или чуткимъ участіемъ; на моихъ глазахъ ушли: Валентинъ Коршъ, Кавелинъ, Плещеевъ, Надсонъ, Гаршинъ, Страховъ... Все это я перенесъ въ свое время достаточно стойко, но *гроба Чехова* я не могъ перенести — это было ужъ чересчуръ безпощадно... «Если для Россіи потеря Чехова незамѣнима, — замѣчаетъ Меньшиковъ, — то для его сверстниковъ, людей его возраста она *прямо страшна!*»

Что еще можно прибавить къ этимъ безнадежнымъ строкамъ?

Трудно передать то совѣтъ особое умизительное въ своей горечи чувство, когда, вернувшись домой, я принялся разбирать хранившуюся у меня пачку Чеховскихъ писемъ... «Года» на своихъ письмахъ Чеховъ рѣдко помѣчалъ, письма разныхъ лѣтъ невольно перемѣшались въ пачкѣ, и это самое смѣшеніе — случайное сосѣдство корреспонденціи противоположнѣйшаго содержанія, — производило удручающе странное, почти жуткое впечатлѣніе...

Вотъ его первое письмо ко мнѣ, набросанное подѣ впечатлѣніемъ первыхъ петербургскихъ успѣховъ, бодрое, жизне-радостное, съ юмористической ироніей: «Такъ какъ это письмо, по всей вѣроятности, послѣ моей смерти будетъ напечатано въ сборникѣ моихъ писемъ, то прошу васъ вставить въ него нѣсколько каламбуровъ и изреченій». А рядомъ другое, выведенное тонкимъ, какъ паутина, болѣзненнымъ почеркомъ (наброшенное за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, какъ разъ на другой день перваго представленія «Вишневаго сада»): «Милый Жанъ, я умышленно не поздравилъ васъ съ

ангеломъ: мнѣ не хочется напоминать вамъ, что оба мы старимся, приближаемся къ 50, когда всякій мужиченко будетъ обзывать васъ «дѣдушкой».

Вотъ двѣ открытки, слѣпившіяся, какъ близнецы... Читаю одну... Веселый откликъ съ дороги, изъ Италіи: «Bella Venetia съ ея женственными, птицеподобными гондолами, Болонья съ арками и Флоренція съ Венерой Медицейской шлютъ вамъ привѣтъ, милый Жанъ. Вѣсь вамъ Antonio»... Пробѣгаю слѣдующую... Увы, недобрая вѣсточка... изъ московской клиники! Далѣе еще открытка отъ того же мѣсяца съ грустной фразой... «Злодѣи-доктора запретили мнѣ все интересное, кромѣ переписки съ друзьями!»

А вотъ подобрался, какъ нарочно, одно къ другому, посланія, манящія на лѣтній отдыхъ на зонѣ природы, подѣ дружеской кровлей... Въ одномъ, напримѣръ, Чеховъ усиленно зоветъ меня провести лѣто вмѣстѣ въ Харьковской губерніи, на берегу р. Пселы. И какъ зоветь? Начало письма — прямо готовая картина въ любую повѣсть... «Я сижу у открытаго окна и слушаю, какъ въ старомъ, заброшенномъ саду кричатъ соловьи, кукушки и удои. Мнѣ слышно, какъ мимо нашей двери пробѣгаютъ къ рѣкѣ хохлята верхомъ на лошади и какъ ржутъ жеребята. Солнце печетъ... Рѣка широкая, глубокая, съ островами... Одинъ берегъ высокій, крутой, обросшій дубами и вербой; другой — отлогій, усыпанный бѣлыми хатками и садами. По рѣкѣ шныряютъ лодки. Вчера въ Николинъ день хохлы бѣдили по рѣкѣ и играли на скрипкахъ. Кричать лягушки и всякія птицы. Кричатъ гдѣ-то въ камышахъ какая-то таинственная птица, которую трудно увидѣть и которую зовутъ здѣсь бугаемъ. Кричитъ она, какъ корова, запертая въ сарай, или какъ труба, будящая мертвецовъ. Все слышно день и ночь. По берегу ходить съ удилыщами хохлята...»

Перечитывая теперь эти частые дру-

жеские призывы, внутренне терзаюсь за свое тогдашнее малодушие... Что-жъ изъ того, что житейскія мелочи цѣлко опутывали меня и заставляли копѣть лѣтомъ въ городѣ—спѣдовало бы, казалось, мужественно ихъ порвать, бросить все и ѣхать...

Да, такъ это кажется *теперь*, а при жизни близкаго человѣка держится какое-то будничное легкомысліе отношеній и чисто рабье поглощеніе заботой дня. И вотъ откладываются въ долгій ящикъ—и радость свиданія, и дорогая сердцу бѣда, и призрачный откликъ на задушевное письмо. А тамъ, глядишь, умеръ человѣкъ—и уже ничѣмъ не вернуть ускользнувшего счастья!.. Остается только громко вздохнуть вѣсть съ Меньшиковымъ: «Подите-ка, наживите другого Чехова?!»

Смерть Чехова точно дала *новое зрѣніе*, точно освѣтила внезапно изнутри самыя буквы его строкъ тѣмъ таинственнымъ пронизывающимъ свѣтомъ, безъ котораго никогда бы не ожила и не просияла съ такой очевидностью истинная глубина его духа...

Перебирая далѣе листки Чеховскихъ писемъ, невольно останавливаюсь на одномъ отрывкѣ, описывающемъ мимоходомъ мелиховское житье-бытьѣ Чехова... «Погода аспидская, нѣтъ пробѣда ни на колесахъ, ни на полозьяхъ; но въ Москву не тянетъ и никуда не хочется изъ дому. Въ домѣ тепло, а на дворѣ просторно; за воротами лавочка, на которой можно посидѣть и, глядя на бурое поле, подумать о томъ, о сѣмъ. Тинина. Собаки не воютъ, кошки не мяукаютъ, и только слышно, какъ дѣвочка бѣгаетъ по саду и старается подворить на мѣсто овецъ и телятъ...»

Казалось бы, всего нѣсколько случайныхъ строкъ, но что значитъ, когда эти строки набросаны рукой кроваваго художника! Между нихъ выстукаетъ, вынуло, какъ въ рамѣ, фигура самого Чехова—милаго, простого, задумчиваго Чехова.

Точно видишь его переходъ собою спящаго на этой самой лавочкѣ, меланхолически вглядывающагося въ хмурю даль; возлѣ, въ ногахъ, лежитъ что-то свернутое въ коричневый комочекъ—наѣрное его любимецъ-собачка Бромъ... Хоть сейчасъ пиши картину!.. У художника Сѣрова есть гениальный рисунокъ: «Пушкинъ въ селѣ Тригорскомъ»: Пушкинъ сидитъ на своей любимой скамеечкѣ, скрестивъ руки, сосредоточенный, удивительный по запечатлѣнной въ лицѣ вдохновенной думѣ. Въ смыслѣ жизненности и поэзии это положительно лучшее изображеніе Пушкина, хотя Сѣровъ никогда не видалъ Пушкина и ни въ жизнь не бывалъ въ Тригорскомъ. И мнѣ почему-то представляется лучший портретъ Чехова тоже въ его родной, любимой, такъ сказать, «мелиховски-леви-тановской» обстановкѣ.

Но это такъ, между прочимъ.

О «пушкинской» простотѣ и искренности чеховскихъ писемъ достаточно говорено. Хочется отмѣтить здѣсь еще другую драгоценную чеховскую черту: это его рѣдкое безпристрастіе и доброземельность къ своимъ литературнымъ сверстникамъ. Даже письма Тургенева, столь умныя, столь тонкія и изящныя, сильно грѣшатъ мѣстами чисто профессиональной ревностью. У Чехова же нигдѣ ни тѣни того, что называется «*jealousie de métier*», и что казалось бы неотдѣлимо отъ человѣка, существующаго однимъ литературнымъ трудомъ... И въ письмахъ ко мнѣ, и въ письмахъ къ поэту Плещееву, разъ Чеховъ касается мимоходомъ литературнаго имени, подъ перо его непременно подвертывается доброе чуткое слово. Онъ нѣжно поминаетъ имя Гаршина, восторгается талантомъ Короленко, горячо хвалитъ попутно рассказы Ясинскаго и Бѣжецкаго и любовно приветствуетъ появленіе Максима Горькаго.

Въ отношенія же ко мнѣ лично Чеховъ даже впадаетъ въ видимое пристра-

стіе. У меня подъ рукой добрая дюжина чеховскихъ писемъ, въ которыхъ онъ нѣжно, копотливо возится съ моими разсказами, то дѣлая тонкое замѣчаніе, то напутствуя мудрымъ совѣтомъ, постоянно поощряя и воодушевляя на новую работу. А одно изъ писемъ—настоящій критическій этюдъ главнѣйшихъ моихъ сочиненій, этюдъ, набросанный тонкою рукою мастера.

Вѣчное спасибо тебѣ—незамѣнимый другъ и смѣлый заступникъ!

О мѣткости замѣчаній Чехова даже какъ-то странно говорить: увѣренъ, что недалеко то время, когда большинство ихъ войдетъ въ литературный обиходъ, какъ непреложнѣйшіе афоризмы... О яркости ихъ въ сочиненіяхъ Чехова и говорить нечего; но даже въ простой будничной перепискѣ они сразу бросаются въ глаза своей удивительной прозрачностью и, кажется, блестятъ еще издали, какъ утреннія роса на свѣжемъ цвѣтничкѣ...

1.

Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза. Мы, пожалуй, красивы птицы и поемъ хорошо, но мы не орлы.

2.

Современный театръ—это сынъ, дурная болѣзнь городовъ. Тенершій театръ не выше толпы, а наоборотъ—жизнь толпы выше и умнѣ театра... Спасеніе театра—въ литературныхъ людяхъ!

3.

Успѣхъ въ Россіи можетъ имѣть лишь тотъ (писатель), который бываетъ въ Питерѣ только гостемъ.

4.

Не дѣло психолога дѣлать видъ, что онъ понимаетъ то, чего не понимаетъ никто. Мы не будемъ шарлатанировать и ста-

немъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны!

5.

У большихъ толстыхъ произведеній свои цѣли, требующія исполненія самаго тщательнаго, независимаго отъ общаго впечатлѣнія. Въ маленькихъ же разсказахъ лучше не досказывать, чѣмъ пере-сказать.

И т. д.

Это лишь ничтожныя крохи изъ моей личной переписки съ Чеховымъ. А сколько такихъ перловъ разбросано въ его остальной огромной перепискѣ съ другими лицами, начиная хотя бы съ интереснѣйшихъ писемъ къ Плещееву?

Самая случайная бесѣда съ Чеховымъ почти тѣ же афоризмы!.. По крайней мѣрѣ, если за временемъ ступеньки-ваются подробности бесѣды, всегда остается въ результатѣ какое-нибудь характерное «чеховское слово», смягченное тонкимъ юморомъ и представляющее крупную житейскую мудрость. Не даромъ же онъ любилъ иногда повторять юмористическій афоризмъ Кузьмы Пруткова: «Смотри въ корень!» Онъ именно всегда смотрѣлъ въ корень, и тамъ, гдѣ мысль другого плутала около, Чеховъ, какъ говоритъ пословица, «сразу бралъ быка за рога»...

Какъ-то мы столкнулись съ Чеховымъ на Курскомъ вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда. Помню, зашла рѣчь о смерти одного извѣстнаго писателя и о газетныхъ некрологахъ, выпущенныхъ по этому поводу, въ которыхъ козенными причинами «безвременной смерти» выставалось «глубительное вліяніе среды и отсутствіе правового порядка».

— Какъ, однако, у насъ крѣпко держится старинная традиція!—пронически замѣтилъ Чеховъ.—Все знакомыя фразы: «среда зашла», «конституція не приспѣла», и я не знаю, что еще! А знаете ли, что собственно сгубило Н. Н. и многихъ

ему подобных?—Онъ сдѣлать паузу и съ какимъ-то неуловимымъ отѣтникомъ юмора въ интонаціи заключилъ:—*Рюмочка... и скверная баба!*

Другой разъ (это было какъ разъ на другой день шумнаго петербургскаго представленія «Иванова») мы выходили съ Чеховымъ отъ одного извѣстнаго музыканта, тонкаго эстетика, по человѣку—всѣмъ поглощеннаго своей спеціальностью. Когда ему представили Чехова, музыкантъ, желая сказать какую-нибудь любезность Чехову, простодушно вынулъ:

— Отчего бы вамъ, милѣйшій Антонъ Павловичъ, не попробовать написать что-нибудь для сцены?

Присутствовавшіе въ гостиной чуть не въ ужасѣ замахали руками на находчиваго любезника:—*Помилуйте, что вы такое говорите? Да вѣдь весь Петербургъ только и кричитъ сегодня объ «Ивановѣ» Чехова?*

Уже на улицѣ говорю Чехову:

— Ну, не думаю, чтобы вы вынесли объ *** особенно отпадное впечатлѣніе?

Чеховъ съ удивленіемъ меня оглянулъ и убѣжденно проговорилъ:

— Напротивъ, самое пріятнѣйшее... Видно сейчасъ, что имѣешь дѣло съ *солиднымъ человекомъ*, которому некогда заниматься газетной брехней!..

Или вотъ еще лишний примѣръ юмористическаго отношенія Чехова къ одному извѣстному публицисту. Когда извѣстный публицистъ напечаталъ въ одномъ московскомъ журналѣ статью о Чеховѣ въ томъ смыслѣ: «что-де, конечно, Чеховъ недурной писатель, но что онъ до тѣхъ поръ не встанетъ какъ слѣдуетъ на ноги, пока не сдѣлается гражданиномъ».

Чеховъ недоумѣнно пожалъ плечами и, усмѣхаясь, съотстрелилъ:

— Слушайте, Жанъ, какія прикажете заказать мнѣ каблукі, чтобы стать гражданиномъ!

Въ самомъ дѣлѣ, ну не смѣшно ли это полицейски-формальное требованіе «наспорта о гражданствѣ» отъ независимаго художника слова—одна жизнь котораго, въ суровой некультурной странѣ, является уже сама по себѣ сплошнымъ гражданскимъ подвигомъ?

Не даромъ же Чеховъ такъ ненавидѣлъ въ литературѣ ложь и рутину и либеральныхъ доктринеровъ и рутинеровъ открыто презиралъ. «Бездарны, сухи и туги, какъ оглозанные поросны кости!»—писалъ онъ мнѣ какъ-то по этому поводу.

Почти то же писалъ онъ Плещеву, литературнымъ чутьемъ котораго особенно дорожилъ: «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепенецъ, не монахъ, не индифферентистъ... Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святое святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и жпц, въ чемъ бы послѣдніе не выражались».

Это нисколько не могъ бы скрѣпить однимъ личнымъ воспоминаніемъ.

Однажды мы возвращались вмѣстѣ отъ Плещеева, и разговоръ какъ разъ зашелъ на эту тему (о праздныхъ толкахъ, что у Чехова нѣтъ Бога, нѣтъ философской подкладки и т. д.). Чеховъ хмурился и раздраженно проговорилъ:

— Толкуютъ про меня и то, и сѣ... Словомъ, всякій вздоръ! А я просто человекъ, прежде всего... Я люблю природу и литературу, люблю красивыхъ женщинъ и ненавижу рутину и деспотизмъ.

— Политическій деспотизмъ?

— Всякій... гдѣ бы и въ чемъ бы онъ ни выражался,—рѣзко оборвалъ Чеховъ.— Все одно: въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ или въ редакціи «Русской Мысли».

Философія Чехова?.. Развѣ это не абсурдъ, — спрашивается, — ставить вопросъ о философій писателю, у котораго въ иныхъ небольшихъ разсказахъ больше философіи, чѣмъ въ добромъ томѣ патентованнаго философа!

Философія Чехова почти та же философія, что и философія Мольера—философія, выросшая изъ самой народной сердцевинны, т. е. философія здраваго смысла!

Не думаю, чтобы этого рода философія была низшаго порядка...

VI.

На могилѣ Чехова.

...Я сидѣлъ на скамеечкѣ возлѣ могилы Чехова—смотрѣлъ на бѣлый скромный крестъ, на мигающій огонекъ фонарика, освѣщавшій образокъ, на вѣнокъ незабудокъ, повѣшенный какой-то почтительницей... и думать о странной судьбѣ русскаго писателя-художника!

И мнѣ представлялась эта судьба—судьба оригинальнаго русскаго художника—чѣмъ-то въ родѣ заброшеннаго челнока, безразсудно борющагося съ непогодой... На берегу стоять люди и видѣть, что челноку и гребцу трудно, но никто ничего не предпринимаетъ для спасенія. Одни просто любопытно наблюдаютъ, другіе судачатъ и даже подтруниваютъ, третьи скуучливо зѣваютъ. Но разъ челнокъ на глазахъ у всѣхъ стянется и трупъ отважнаго гребца волна прибьетъ на берегъ, начинается вдругъ общее смятеніе: обильно сыпятся цѣфты, льются восторженныя рѣчи, устраиваются пышные похороны...

«Что имѣемъ, не хранимъ—потерявши, плачемъ»—вотъ наивный эпитафій, который слѣдовало бы, по всей справедливости, помѣстить на обложкѣ «Исторіи русской литературы». Да и оплакивать-то мы еще не научились по настоящему!.. И вотъ, всякій разъ около такого свѣженасыпаннаго могильнаго холма начинается обычное русское недоразумѣніе:

какъ лучше утѣковѣчить память писателя-художника?

Подумаешь, когда умираетъ какой-нибудь славный генералъ-отъ-инфантеріи—никакого особеннаго недоразумѣнія не происходитъ: надъ могилой генерала-отъ-инфантеріи ставятъ величественный и прочный монументъ, а для утѣковѣченія его имени въ памяти потомства учреждается премія или стипендія въ томъ самомъ вѣдомствѣ, въ коемъ онъ служилъ. Дѣло очень просто: разъ генералъ принесъ пользу отечеству по своей спеціальности—слѣдуетъ облегчить положеніе наиболѣе талантливыхъ людей, работающихъ въ этой именно военной сферѣ, а не въ другой.

Казалось бы, то же самое слѣдовало предпринять—разъ умираетъ славнѣйшій генералъ отъ литературы?

Ничуть не бывало. Возникаютъ самые необыкновенные проекты, кромѣ самаго обыкновеннаго: проекта объ участіи писателей-художниковъ! Одинъ предлагаетъ устроить въ память «безременно погибшаго» художника санаторію для чахоточныхъ, другой—пріютъ для алкоголиковъ, третій... именную койку для умалишеннаго—словомъ, принимается исключительно въ расчетъ неизбежное паденіе надорваннаго борьбой художника и ровно ничего, чтобы предотвратить въ будущемъ неизбежность этого роковаго надрыва.

Удивлялись ли послѣ того, что положеніе писателя-художника въ обществѣ не только не возвышается, но, напротивъ, оскорбительно умаляется... А между тѣмъ, положеніе писателя-художника въ наши дни трагично уже само по себѣ. Въ лихорадкѣ современной жизни, въ промышленной погонѣ за злободневностью, въ бушующемъ разливѣ газетнаго потока, боязливо потерялось чутье истинной художественности, уваженіе къ строгому перу, благоговѣніе передъ отблескомъ искры Божіей...

Вонистину самый одинокій человѣкъ

по нашему времени это—писатель-художник!

И, разумеется, чѣмъ онъ оригинальнѣе и независимѣе, тѣмъ прискорбнѣе и безпомощнѣе его одиночество.

«Настоящая правда только на всѣхъ искусства!» обмолвился какъ-то Рѣшину Левъ Толстой—и когда общество теряет писателя-художника, оно теряет свое самое дорогое сокровище: свою главную правду.

Утрата Чехова еще слишкомъ свѣжа и значеніе ея, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ сложно, чтобы разобраться какъ слѣдуетъ въ этихъ былыхъ интимныхъ замѣткахъ.

Мнѣ, лично, появленіе Чехова въ русской литературѣ напоминаетъ символическаго «предразсѣтнаго человѣка» въ чеховской импровизаци «Корчма», подразумѣвая подъ «Корчмой», опять же символически, «Россію». Вы помните этотъ отрывокъ, туманный и вѣжливый, точно стихотвореніе въ прозѣ?

Темно, грязно, непріятно...
Входитъ новый человѣкъ...
Свѣтаетъ...
Многіе пробуждаются...

Если хотите въ этихъ четырехъ строкахъ—весь Чеховъ!..

И пришелъ онъ въ хмурую «спящую» толпу, какъ тотъ задумчивый странникъ, тоже ненадолго («Лицо интеллигентное, утомленное!»)

Подумайте, если исключить первые его годы, угнетенное писательство въ мелкой прессѣ послѣдніе, омраченные припадками роковой болѣзни—въ итогѣ, какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ!

И въ эти пятнадцать лѣтъ—чуть не цѣлая литературная революція? Новая художественная форма разсказа, новаторскій толчокъ въ области драмы, цѣлый рядъ новыхъ типовъ, взглядовъ, обличій и откровеній...

Наконецъ, языкъ Чехова—этотъ своеобразный Чеховскій языкъ, въ которомъ простота Пушкина, мѣткость Гоголя и

изящество Тургенева точно сливались въ одно удивительное живое цѣлое—тутъ опять настоящая реформа, новый рѣдкостный вкладъ въ русскую литературу!.. Одинъ изъ провинціальныхъ читателей Чехова, отягчая въ «Южныхъ Запискахъ» огромную заслугу Чехова въ дѣлѣ развитія русскаго литературнаго языка, дѣлаетъ очень тонкое опредѣленіе этого новаго стиля: «Гладкую, закругленную, періодическую литературную рѣчь онъ замѣнилъ простымъ, точнымъ, благороднымъ, перво-короткимъ слогомъ, сближеннымъ съ звуками обычнаго свободнаго разговора... Его литературный языкъ до того сближался съ разговорнымъ языкомъ, тѣмъ обычнымъ языкомъ, который мы слышимъ вездѣ и повсюду, которымъ мы говоримъ сами, что начало его разсказа казалось продолженіемъ того, что только-что происходило въ жизни, а жизнь казалась продолженіемъ того, о чемъ только-что говорилъ Чеховъ».

Признать, болѣе выпуклой характеристики въ столь немногихъ строкахъ не приходилось встрѣчать ни у одного пристрастнаго критика!

Впрочемъ, это было бы довольно странно, еслибъ мы—друзья и поклонники Чехова, литераторы, артисты, ученые, —не оцѣнили, въ концѣ-концовъ, по достоинству всю тонкость и глубину Чеховскаго таланта... Но откуда это необыкновенное тяготѣніе въ будничной, полуобразованной толпѣ, которое никакихъ артистическихъ тонкостей не штудируетъ и никакихъ психологическихъ глубинъ не анализируетъ? Откуда эта стремительная популярность, родственная, по своей исключительности, популярности въ темной массѣ поэта Некрасова—въ чемъ ея сокровенная тайна, ея основной захватывающій мотивъ?

Припоминается мнѣ по этому поводу слово Чехова по адресу Ивана Федоровича Горбунова. Это было на именинахъ у Свободина, на которыхъ присутствовать чуть не весь артистическій и литератур-

ный Петербургъ... Въ концѣ ужина, всѣ столпились около Горбунова, который былъ въ особенномъ ударѣ и съ неподражаемымъ мастерствомъ передавалъ одинъ изъ тѣхъ своихъ удивительныхъ разсказовъ, которые совсѣмъ непередаваемы на бумагѣ... Разсказъ шелъ отъ лица какого-то русскаго забулдыги, по ошибкѣ высланнаго въ глушь Россіи и безтолково мыкающагося по разнымъ инстанціямъ административной опеки. Фигуры самого «мнимаго политическаго», товарища прокурора, пристава и городскихъ выступали, въ передачѣ П. Ф., какъ живые. Чеховъ стоялъ рядомъ со мной и слушалъ, буквально заставивъ дыханіе; но въ одномъ мѣстѣ, въ высоко комической сценѣ допроса мнимаго политическаго прокуроромъ изъ мнимыхъ либераловъ, не выдержавъ и восторженно шепнуть мнѣ на ухо:

— Чувствъ чуждымъ Россію!

Вотъ это именно мѣткое слово относительно Горбунова и перевѣзъ бы сейчасъ по адресу самого Чехова... Да, чувствъ чуждымъ Россію, какъ рѣдко кто изъ современныхъ отечественныхъ писателей!..

Вотъ—главный секретъ его захватывающей популярности, таинственный магнитъ, притягивавшій къ его волшебному перу толпу почитателей «безъ различія племенъ, нарѣчій, состояній»...

Наше время, какъ извѣстно, характерно всѣческими писательскими обособленіями... Есть чисто «петербургскіе» писатели, весьма чтимые въ Москвѣ; есть, напротивъ, писатели «московскіе», громко прославленные Москвою, имена которыхъ возбуждаютъ въ Петербургѣ рѣшительное недоумѣніе; есть равно писатели «киевскіе», «одесскіе» и т. д.; наконецъ, существуютъ группа специально «народныхъ» писателей, произведенія которыхъ никогда не видѣли деревни, писателей «международныхъ», дѣятельность которыхъ ограничена узкими литературными кружками, и въ послѣднее время—секта писателей «декадентовъ», сочиненія ко-

ихъ свободно переходятъ всякія границы, даже пониманія...

Чеховъ прежде всего, по существу своего таланта, былъ энциклопедистъ. То, что онъ писалъ Плещеву про свою «Стену»—что это есть своего рода «эциклопедія» стени, можно отнести ко всѣмъ его сочиненіямъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Читая Чехова—это почти то же, что бродить съ зоркимъ и вдумчивымъ проводникомъ по лицу земли русской. Кого-кого только не встрѣтишь на пути!.. Вотъ старикъ-пастухъ, издыхающій о погибеліи Божьяго міра, старикъ съ цѣлымъ возвышеннымъ міросозерцаніемъ, выросшій и состарившійся на лонѣ природы («Свирѣль»); вотъ бѣдный сельскій попикъ, пристыжающій своей бѣдной труженническою жизнью праздно болтающаго интеллигента («Коншаръ»); вотъ бѣдный одинокій мальчикъ, царапающій потихоньку въ полумракѣ сапожной мастерской письмо «на деревню дѣдушкѣ» («Ванька»)... Что ни разсказъ, то новый уголокъ русской жизни, свѣжій яркій типъ, точно съ мясомъ вырванный изъ этой жизни... Зѣбѣ картины дикаго, почти первобытнаго существованія («Печенѣгъ»); тамъ умирительная, какъ вечерняя заря, поэзія монастырскаго обителя («Святою ночью»); въ другомъ мѣстѣ—скукливая до трагизма жизнь заброшеннаго желѣзнодорожнаго полустанка («Шампанское»)... А, напримѣръ, такой бюрократическій перлъ, какъ генералъ Гундасовъ, не замѣчающій никого и ничего, кромѣ своихъ чиновныхъ бумагъ своей чиновной особы («Тайный совѣтникъ»)? Или эта обличительно типичная, великосвѣтская благотворительница на постыломъ яслѣ («Клягиня»)? Или богомольный заводовникъ изъ села «Верхнія Запруды», упорно подающій поминовеніе за упокой рабы Божіей «бабушки Маринъ», лишь потому, что его родная дочь была актрисой... Или хотя бы та высоко-комическая дама, отъ трезвости не замѣчающая, что гости дурчаютъ ее, напиваясь потихоньку въ передней («У предводителя»);—вѣдь

всѣ эти господа и госпожи плоть отъ плоти, кость отъ костей нашихъ!..

Не говорю уже о капитальныхъ произведенияхъ Чехова, въ родѣ «Моя жизнь», «Юнычъ», «Мужики», «Въ округѣ», «Вишневый садъ», «Дядя Ваня», «Бабье царство», «Дуэль» — произведенійхъ, широко охватывающихъ цѣлыя бытовые слои — провинціальную, крестьянскую, мѣщанскую, помѣщичью... А, напримѣръ, герой «Дуэли» — Лаевскій, Иванъ Андреевичъ? Вѣдь это настоящій герой нашего времени и въ смыслѣ вѣрности отраженія эпохи можетъ быть смѣло поставленъ рядомъ съ лермонтовскимъ Печоринымъ!..

Есть такая педагогическая игра — «кубики»: на наружной сторонѣ каждаго кубика нарисованъ обрывокъ какой-нибудь житейской сцены или силуэтъ отдѣльной фигуры; но если расположить кубики въ должномъ порядкѣ, получится одна яркая большая картина... Такъ и съ рассказами Чехова. Какъ ни сложны и разнообразны мотивы этихъ рассказовъ, но попробуйте собрать ихъ въ вашей памяти въ одно цѣлое, получится одна неотразимо яркая картина... «Россия» — съ эпитафией изъ Пушкина, если хотите: «Какъ грустна наша Россія!»

Нѣтъ ничего удивительнаго, что иностранцы, столь зорко слѣдящіе за этой «грустной» Россіей, устремили благотворно свое вдумчивое прилежаніе око на произведенія Чехова: сначала французы, потомъ нѣмцы, въ послѣдствіи англичане...

Ихъ не испугала, какъ нашихъ заведенныхъ рутиной аристарховъ, краткая форма разсказа, и художественное чутье француза смѣло отмѣтило, что «эти небольшие рассказы зачастую заключаютъ въ себѣ

гораздо болѣе живой наблюдательности, чѣмъ длиннѣйшій романъ, и болѣе настоящей поэзіи, чѣмъ цѣлый томъ стиховъ»...

Перебирая сейчасть ворохъ статей оригинальныхъ и переводныхъ, посвященныхъ въ разное время Антону Чехову, я невольно остановился на чуткомъ откликѣ одного французскаго поклонника А. Ч. — Появившійся въ мало извѣстной газеткѣ («Journal de Genève»), подписанный, вдобавокъ, совершенно невѣдомыми инициалами, онъ какъ бы выдаетъ мнѣніе *средняго* европейскаго читателя о Чеховѣ.

Отдавая должное національной окраскѣ чеховскихъ разсказовъ, авторъ особенно подчеркиваетъ ихъ «волнующую» общечеловѣческую основу — черту, сообщающую большимъ и малымъ вещамъ Чехова печать универсальности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неотразимой обаятельности, — и, въ заключеніе, въ сжатыхъ и мѣткихъ строкахъ, такъ опредѣляетъ мѣсто Чехова въ русской и европейской литературѣ:

«Не страдая распущенностью и вычурностью Максима Горькаго, съ психологіей куда менѣе сложной, чѣмъ психологія Достоевскаго, безъ блестящей вышности Тургенева и широкой мощи Льва Толстого, Антонъ Чеховъ обладаетъ чудесной тайной увлекать и трогать читателя, въ какой бы обстановкѣ ни происходило дѣйствіе. И этотъ рѣдкій писательскій даръ пріобщаетъ его тонкія картины русской жизни къ наиболѣе захватывающимъ страницамъ, запечатлѣннымъ міровой скорбь челоуѣческаго сердца!».

Увѣренъ, что подь этимъ заключеніемъ чужеземца подвинунутся, вмѣстѣ со мной, всѣ истинные поклонники таланта Чехова.

